

ФИЛОСОФИЯ КАНТА

KANT'S PHILOSOPHY

УДК 1(091)

**ПИСЬМО КАНТА НА СМЕРТЬ СТУДЕНТА
ИОГАННА ФРИДРИХА ФОН ФУНКА
(1760): ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИФИКАЦИЯ**

**KANTS SENDSCHREIBENS
ZUM TOD DES STUDENTEN
JOHANN FRIEDRICH VON FUNK (1760).
ZUR LITERATURHISTORISCHEN
EINORDNUNG**

**Часть 1: Готшед и Королевское немецкое
общество Кёнигсберга**

**Teil 1: Gottsched und die Königliche
Deutsche Gesellschaft zu Königsberg**

*М. Вальтер*¹

*M. Walter*¹

Написанное Кантом утешительное письмо, или некролог, на смерть студента Иоганна Фридриха фон Функа (1760) не получило должного внимания в литературе. В данном исследовании предпринята попытка изменить сложившуюся ситуацию, прояснив контекст этого короткого сочинения. В первой части речь идет, в частности, о влиянии, которое оказал на стиль таких произведений, как опубликованные речи или некрологи, И. К. Готшед. В связи с этим описывается связь Канта с Королевским немецким обществом в Кёнигсберге и его основателем К. Хр. Флотвеллом, другом Готшеда. На примере учебника риторики Готшеда гораздо яснее проявляется влияние римской Стои. В целом Кант пытается представить рациональные аргументы для рассмотрения проблематики смерти, которая может внезапно настичь человека; он работает под очевидным влиянием идей стоицизма (см. об этом вторую часть). Большинство комментариев кантоведов к этой небольшой работе до сих пор были негативными или расплывчатыми. Первая часть исследования призвана прояснить исторические условия развития кантовской мысли. С этой точки зрения небольшое сочинение представляется важным звеном в размышлениях молодого Канта: оно показывает, как кёнигсбергский философ делает античную традицию плодотворной для Просвещения взамен восторженно-

Kant's mourning letter or necrology for his student Johann Friedrich von Funk (1760) has hardly been received. This study attempts to change this by explaining the contexts of the short missive. In the first part this concerns in particular the influence that Gottsched exerted on the style of such printed speeches or necrologies. Kant's references therefore to the 'Royal German Society' in Königsberg and its founder Flottwell, a friend of Gottsched's, are described. The influence of the Roman Stoa then becomes much clearer through the influence of Gottsched's rhetoric textbook. All in all, Kant attempts to present rational arguments for dealing with death, which can suddenly strike human life; he writes under the obvious influence of a Stoic mindset (see the second part). Most of the comments by Kant scholars on the little work to date have been negative or vague. Here, the text is to be made fruitful for the development of Kant's thought by shedding light on its historical contexts. On this basis, the little treatise appears as an important link for Kant's early thinking. It shows how he makes ancient tradition fruitful again for the Enlightenment as a substitute for rapturous and

¹ Университет им. Викентия Паллотти, Германия, 56179, Фаллендар, Паллоттиштрассе, д. 3. Поступила в редакцию: 14.09.2023 г. doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-1

¹ Vinzenz Pallotti University. Palottistraße 3, Vallendar, 56179, Germany. Received: 14.09.2023. doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-1

го и иррационального мистицизма, известного нам по творчеству, например, Якоба Бёме.

Ключевые слова: Иоганн Даниель фон Функ, утешительное письмо, Иоганн Кристоф Готтшед, Королевское немецкое общество в Кёнигсберге, Кёлестин Христиан Флотвелл, Самуэль Готтлиб Вальд, риторика

Сочинения Канта до 1760 г. в основном посвящены естественно-научным или натурфилософским вопросам, таким как существование живых сил, природа огня, теория монад Лейбница, космогония или возникновение землетрясений (Adickes, 1924). Предлагаемые ниже рассуждения относятся к истокам и идентификации одной из ранних работ Канта, которая на первый взгляд выпадает из этого тематического ряда. Речь идет о «Мыслях, вызванных безвременной кончиной высокородного господина Иоганна Фридриха фон Функа, изложенных в письме к высокородной госпоже Агнессе-Елизавете, вдове славного предводителя дворянства фон Функа, рожденной Дортхёзен, наследнице Кайвенских и Каренгских поместий в Курляндии, постигнутой глубокой печалью матери покойного» (AA 02, S. 37–44; Кант, 1994б)². Как и все другие сочинения Канта, опубликованные им самостоятельно в период с 1755 по 1760 г., это послание было издано Иоганном Фридрихом Дристом (Stark, 2005, S. 9). Текст, подписанный 36-летним «магистром Иммануилом Кантом, преподавателем философии в Кёнигсбергской академии», ставит перед биографо-филологическими исследованиями ряд остающихся открытыми вопросов. Однако в последние десятилетия были обнаружены новые источники и появились исследования, посвященные акаде-

² Цифровая копия с транскрипцией уникального оригинала была подготовлена Вернером Штарком для бывшего архива Канта в Марбургском университете. См.: https://www.online.uni-marburg.de/kant_old/webseite/funk0.htm (дата обращения: 06.09.2023); с 01.02.2024 г. сайт находится в режиме офлайн и, надеюсь, будет снова доступен для просмотра на сайте Боннского университета (из устного сообщения Вернера Штарка).

irrational mysticism as we know it from Jacob Böhme, for example.

Keywords: Johann Daniel von Funk, mourning letter, Johann Christoph Gottsched, Royal German Society in Königsberg, Cölestin Christian Flottwell, Samuel Gottlieb Wald, rhetoric

Kants Schriften bis 1760 befassen sich überwiegend mit naturwissenschaftlichen oder naturphilosophischen Fragestellungen, wie mit der Existenz lebendiger Kräfte, dem Wesen des Feuers, der Leibniz'schen Monadenlehre, der Kosmogonie oder der Entstehung von Erdbeben (Adickes, 1924). Die nachstehenden Überlegungen sind der Entstehung und Einordnung einer auf den ersten Blick scheinbar aus dieser thematischen Reihe fallender Frühschrift Kants gewidmet. Es handelt sich um die „Gedanken bey dem frühzeitigen Ableben des hochwohlgebohrnen Herrn, HERRN Johann Friedrich von Funk in einem Sendschreiben an die Hochwohlgebohrne Frau, FRAU Agnes Elisabeth, verwitt. Frau Rittmeisterin von Funk, geborne von Dorthösen, Erbfrau der Kaywenschen und Kahrenschen Güter in Kurland, des selig verstorbenen Hochbetrübte Frau Mutter“ (GAJFF, AA 02, S. 37-44)². Wie alle von Kant zwischen 1755 und 1760 selbstständig veröffentlichten Schriften erscheint das Sendschreiben bei Johann Friedrich Driest (Stark, 2005, S. 9). Dieser Text, unterzeichnet vom 36-jährigen „Magister Immanuel Kant, Lehrer der Weltweisheit auf der Akademie zu Königsberg“, stellt die biografisch-philologische Forschung vor einige offene Fragen. In den letzten Jahrzehnten wurden jedoch zum akademischen und persönlichen Umkreis Kants neue Quellen

² Ein Digitalisat mit Transkription des sehr seltenen Originals erstellte Werner Stark für das ehemalige Kant-Archiv an der Universität Marburg. Vgl. https://www.online.uni-marburg.de/kant_old/webseite/funk0.htm (06.09.2023; seit 01.02.2024 ist die Seite offline und wird hoffentlich wieder über die Universität Bonn zugänglich gemacht werden; mündl. Mitteilung Werner Starks).

мическому и личному окружению Канта, которые позволяют точнее, чем раньше, реконструировать контекст возникновения этого текста. Основываясь на этом, можно задать вопрос: какую текстовую форму имеют эти «Мысли...»? Сама постановка такой проблемы может показаться странной, но до сих пор ее еще никто не озвучил, и попытка найти решение предлагает, следовательно, первое основание для дискуссии и дальнейших исследований ранних сочинений Канта, и в частности этого текста.

1. Основные контуры аргументации

Чтобы подойти к ответу на поставленный вопрос, в данном исследовании предпринята попытка показать, что речь идет о так называемом утешительном *письме* как специфической форме обращения к скорбящей общественности, намеренно преданного публичности в печатном виде. На первый взгляд, этот исходный вопрос может вызвать подозрение, что речь идет о каких-то незначительных вещах. Это далеко не так. Наоборот, особое внимание уделяется историческому контексту социального окружения Канта в Кёнигсберге и связанным с этим окружением мотивам автора, в результате чего прочтение «Мыслей...» превращает кажущееся странным кантовское сочинение в окно в его мир.

Следует заранее указать, что траурное послание — это самостоятельный и относительно распространенный риторический жанр в форме письма, для которого требовалось соблюдение определенных формальных правил. В связи с этим для кантовских «Мыслей...» открываются новые герменевтические горизонты, которые до сих пор совершенно не принимались во внимание. Если сформулировать вопрос в аспекте этой предпосылки, было бы интересно узнать, откуда Кант почерпнул литературные и формальные правила или образцы, которым должно было в то время соответствовать траурное послание. Как будет

известно или исследования востановлены, которые позволяют точнее, чем раньше, реконструировать контекст возникновения этого текста. Основываясь на этом, можно задать вопрос: какую текстовую форму имеют эти «Мысли...»? Сама постановка такой проблемы может показаться странной, но до сих пор ее еще никто не озвучил, и попытка найти решение предлагает, следовательно, первое основание для дискуссии и дальнейших исследований ранних сочинений Канта, и в частности этого текста.

1. Abriss der Argumentation

Um die gestellte Frage einer Antwort näher zu bringen, versucht diese Studie zu zeigen, dass es sich um eine sogenannte Trostschrift als einer spezifischen Form der ausdrücklich in Druckform publizierten Anrede an eine Trauergemeinde handelt. Auf den ersten Blick könnte diese Ausgangsfrage den Verdacht erwecken, dass hier Quisquilien verhandelt würden. Das ist keineswegs der Fall. Vielmehr werden historische Kontexte von Kants Königsberger sozialem Umfeld und die damit zusammenhängenden Motive des Autors herausgestellt, sodass sich die Lektüre der *Gedanken* von einer sonderbar anmutenden Kant-Schrift zum Fenster in Kants Lebenswelt wandelt.

Im Vorfeld sei daran erinnert, dass es sich bei einer Trauerschrift um ein selbstständiges und verhältnismäßig verbreitetes rhetorisches Genre in Briefform handelt, das gewissen stilistisch-formalen Vorgaben gerecht werden musste. Damit würde ein weiterer, bisher völlig vernachlässigter hermeneutischer Horizont zu Kants „Gedanken“ hinzutreten. Wird nämlich die Fragestellung in Richtung dieser Voraussetzung gelenkt und vertieft, so wäre interessant zu wissen, woher Kant die schriftstellerisch-handwerklichen Vorgaben oder Vorbilder entlehnt hat, denen eine Trauerschrift damals allenthalben genügen musste. Wie zu zeigen sein wird,

показано далее, на первое место среди всех других возможных источников следует поместить учебник риторики Иоганна Кристофа Готшеда. Согласно этому предположению, Кант должен был излагать свои мысли более или менее в соответствии с «Подробной риторикой» Готшеда (Gottsched, 1975a; 1975b); по крайней мере, из этой книги возможно извлечь подходящие категории, чтобы лучше понять это раннее сочинение Канта. Это предположение кажется особенно правдоподобным, если принять во внимание выдающуюся роль Готшеда в основании и разработке программы Королевского немецкого общества в Кёнигсберге и его влияние на общественную жизнь образованных кругов. Тот факт, что кантовский текст — это еще и эпистолярное произведение, не противоречит его риторическому характеру. В «Риторике» Готшеда рассматриваются также и некоторые формы писем.

То, что «Риторика» Готшеда, как считается, послужила Канту руководством для составления его текста, можно вполне правдоподобно объяснить исходя из культурных особенностей Кёнигсберга: составление образцов немецких текстов для всевозможных общественных (театр, поэтические выступления, торжественные речи и т.д.) и научных (популяризация знаний в духе Просвещения) мероприятий активно пропагандировала программа вышеупомянутого Королевского немецкого общества, основанного Кёлестином Христианом Флотвеллом. Все без исключения сочинения, написанные членами этого общества, были строго стандартизированы, критиковались и даже «цензурировались» в соответствии с учебниками Готшеда по крайней мере до 1750-х гг. В связи с таким влиянием, порождающим целую парадигму, Готшеда иногда обвиняли в «замашках диктатора», но это мнение следует признать ошибочным (Rieck, 1972, S. 100). Общество было внеуниверситетским объединением, но тем не менее оно претендовало на академичность. В те времена хорошим тоном для образованного человека считалось умение подготовить по

ist Johann Christoph Gottscheds Rhetoriklehrbuch vor allen anderen möglichen Quellen einzubeziehen. Dieser Annahme zufolge hätte Kant dann seine „Gedanken“ in mehr oder minder großer Anlehnung an die Maßgaben aus Gottscheds *Ausführlicher Redekunst* (Gottsched, 1975a; 1975b) entworfen, oder zumindest könnte man Gottscheds Buch geeignete Kategorien entnehmen, um Kants Frühschrift besser zu verstehen. Plausibel erscheint dieser Vorschlag insbesondere, wenn man Gottscheds herausragende Rolle bei der Begründung und der Programmgestaltung der Königlichen Deutschen Gesellschaft in Königsberg und den daraus resultierenden Einfluss auf das gesellschaftliche Leben gebildeter Stände kennzeichnet. — Die Tatsache, dass es sich zugleich um ein Stück Briefliteratur handelt, konkurriert übrigens nicht mit dem rhetorischen Charakter. Einige Briefformen werden nämlich gleichfalls in Gottscheds *Redekunst* abgehandelt.

Dass nun ausgerechnet Gottscheds *Redekunst* Kant als Richtschnur für seine Textanlage gedient haben soll, lässt sich anhand kultureller Gegebenheiten in Königsberg plausibilisieren: Die Abfassung deutscher Textproben zu allen möglichen gesellschaftlichen (Theater, Gelegenheitsdichtung, Ansprachen, etc.) und wissenschaftlichen Anlässen (populäre Wissensvermittlung im Sinne der Aufklärung) wurde durch das Programm der von Cölestin Christian Flottwell begründeten, bereits erwähnten *Königlichen Deutschen Gesellschaft* eigens und breitenwirksam propagiert. Die von den Mitgliedern verfassten Schriften wurden zumindest bis in die 1750er Jahre strikt und ausnahmslos nach Gottscheds Lehrbüchern normiert, kritisiert und sogar ‚zensiert‘. Aufgrund dieser paradigmenschaffenden Einflussnahme wurden Gottsched gelegentlich „diktatorische Absichten“ unterstellt, die aber als unzutreffend zurückgewiesen werden müssen (Rieck, 1972, S. 100). Es handelte sich bei jener Gesellschaft um einen au-

определенному поводу подходящую, то есть остроумную, благозвучную и содержательно точную, речь или стихотворение, иногда за относительно короткий промежуток времени, а также уметь красиво выступить перед публикой. Этот последний пункт подтверждается и в отношении Канта благодаря нескольким его стихам в память об умерших коллегам-профессорах (AA 12, S. 395–397; об этом см.: Stark, 2000). Основную задачу этого общества можно сформулировать следующими словами Канта: «Человек совершенствуется только благодаря общению и обществу. Образцы, достойные подражания, необходимы для формирования и сохранения вкуса» (AA 24, S. 47). Или, как подчеркивает сам Готшед в «*Критическом стихосложении*»: «Постепенно человек сам приходит к умению следовать хорошим образцам» (Gottsched, 1973, S. 310).

Со времен Реформации и ее возврата к римской риторике надгробные речи, похоронные проповеди и утешительные письма стали неотъемлемой частью немецкой культурной жизни. В качестве текстовых форм выражения биографической значимости они также реализуют историографическую функцию (Lenz, 1974). В частности, принимая во внимание кёнигсбергское окружение Флотвелла и связи Готшета, неустанно поддерживавшего переписку из Лейпцига, можно для «Мыслей...», взятых в качестве примера, произвести относительно точную литературно-историческую классификацию в соответствии с положениями и «образцами», стилистически и содержательно следующими рекомендациям и правилам Готшета.

Чтобы понять взаимосвязь, нужно напомнить, не вдаваясь в подробности, что сам Готшед родился в местечке Юдиттен под Кёнигсбергом в 1700 г., до 1724 г. обучался в Альбертине и имел перспективы успешной академической карьеры (Reicke, 1892; Rieck 1972, S. 17–20). В 1724 г. он перебрался в Лейпциг, спасаясь от вербовщиков прусской армии. Оттуда в силу дружеских и родственных связей Готшед продолжал активно поддерживать контакты по

ßeruniversitären Zirkel, der dennoch einen akademischen Anspruch vertrat. Zum guten Ton gehörte es damals, dass ein gebildeter Mensch zu verschiedensten Gelegenheiten und bisweilen in verhältnismäßig kurzer Zeit eine passende, d.h. geistreich-sprachgewandte und sachlich zutreffende Rede oder gekonnte Verse ausarbeiten und überdies gefällig vortragen könne. Dieser letztgenannte Aspekt ist für Kant anhand einiger Denkverse auf verstorbene Professorenkollegen dokumentiert (*Denkverse*, AA 12, S. 395-397; vgl. dazu Stark, 2000). Das Hauptanliegen jener *Deutschen Gesellschaft* lässt sich nun mit den Worten Kants wie folgt akzentuieren: „Nur durch Umgang und Gesellschaft wird der Mensch geschliffen. Muster, Nachahmungswürdige Muster sind nothwendig, um den Geschmack zu bilden, und beyzubehalten“ (*V-Lo/Blomberg*, AA 24, S. 47). Oder wie Gottsched in *Critische Dichtkunst* selbst betont: „Man wird selber allmählich geschickt, guten Mustern zu folgen“ (Gottsched, 1973, S. 310).

Grabrede, Leichenpredigt oder Trostschriften sind seit der Reformation und deren Rückgriff auf die römische Rhetorik festgegründeter Bestandteil des kulturellen Lebens in deutschen Landen. Als Textformen biografischer Würdigung erfüllen sie zugleich eine historiographische Funktion (Lenz, 1974). Besonders aufgrund besagter Königsberger Konstellationen um Flottwell und den aus Leipzig unermüdlich korrespondierenden Gottsched kann daher für den Beispielfall der *Gedanken* eine verhältnismäßig genaue literaturhistorische Einordnung nach Gesichtspunkten und „Mustern“, die den stilistisch-inhaltlichen Empfehlungen und Regeln Gottscheds folgen, vorgenommen werden.

Zum Verständnis der Zusammenhänge muss an dieser Stelle – ohne ins Detail zu gehen – daran erinnert werden, dass Gottsched selbst im Kirchdorf Juditten bei Königsberg im Jahr 1700 geboren wurde und bis 1724 an der Alber-

переписке со многими учеными в своем родном городе и еще раз посетил Кёнигсберг летом 1744 г., чтобы помочь организовать двухсотлетие основания университета Альбертина (Krause, 1893, S. 74). В качестве независимого представителя школы Вольфа Готшед стал ординарным профессором логики и метафизики, а также экстраординарным профессором поэтики в Лейпциге. Кант, очевидно, был хорошо знаком не только с его «Риторикой», но и с получившим широкую известность учебником философии Готшеда «Первоосновы всей философии» (Walter, 2023; Hüttner, Walter, 2023). Так, в зимнем семестре 1764/65 г., незадолго до смерти Готшеда в 1766 г., философию и риторику в Кёнигсбергском университете преподавали по его «Первоосновам» и «Риторике». Это происходило даже параллельно с лекциями самого Канта, которые он читал на основе трудов Эберхарда, Майера и Баумгартена. В университетских архивах упоминается в этой связи магистр и доктор медицины Иоганн Тизен:

В утренние часы с 8 до 9 магистр Кант собирается читать теоретическую физику по Эберхарду, с 9 до 10 логику по Мейеру, с 10 до 11 философию практическую, полный курс, и этику по Баумгартену, а с 11 до 12 — метафизику по тому же автору, но пока не может совершенно точно определить часы.

Доктор и магистр Тизен, если у него будут слушатели, собирается проводить занятия по философии и риторике в соответствии с наставлениями Готшеда и Фреера, но пока тоже не может определить расписание (расшифровка из актов сената Альбертины, зимний семестр 1764/65 г. (Pufelska, Barelkowski, 2024; Stark, 2024); рис. 1)³.

³ Вышеупомянутый коллега Канта, Иоганн Тизен, «доктор А. Г. (врачебной учености, т.е. медицины. — М. В.) и философии был в 1758 г. магистром и частным преподавателем в университете, но за последние годы не читал ни одного курса» (Goldbeck, 1782, S. 88). Это отчет университета перед министерством финансов о запланированных курсах. В напечатанном каталоге лекций публикуются только лекции ординарных профессоров, но не лекции, например, приват-доцента Канта (Stark, 2024). В 1758 г. и Тизен, и Кант претендовали на должность профессора логики и метафизики, которую занимал скончавшийся Й. Д. Кипке. См. письмо Канта от 11 декабря 1758 г. (AA 10, S. 4) и комментарий к нему (AA 13, S. 4).

tina mit Aussicht auf eine erfolgreiche akademische Karriere studierte (Reicke, 1892; Rieck, 1972, S. 17–20). Um sich den Werbem der Preussischen Armee zu entziehen, floh er im Jahr 1724 nach Leipzig. Von dort aus unterhielt er wegen freundschaftlicher und verwandtschaftlicher Beziehungen zahlreiche Briefkontakte zu vielen Gelehrten seiner Heimatstadt und besuchte Königsberg noch einmal im Sommer 1744, um das Stiftungsjubiläum der Albertus-Universität mitzugestalten (Krause, 1893, S. 74). Nach seinem Weggang wurde Gottsched als unabhängiger Vertreter der Schule Wolffs ordentlicher Professor für Logik und Metaphysik sowie außerordentlicher Professor für Poetik in Leipzig. Nicht nur mit seiner *Redekunst*, sondern auch mit dem weitverbreiteten Philosophielehrbuch Gottscheds war Kant offenbar wohl vertraut: *Erste Gründe der gesammten Weltweisheit* (Walter, 2023; Hüttner und Walter, 2023). Noch im Wintersemester 1764/65, kurz vor Gottscheds Tod im Jahr 1766, wurde nach dessen *Ersten Gründen* Philosophie und nach dessen *Redekunst* Rhetorik an der Königsberger Universität angeboten. Dies erfolgte sogar parallel zu Kants eigenen Vorlesungen, die er nach den Kompendien von Eberhard, Meier und Baumgarten gehalten hat. Die Akten der Universität nennen hier den Magister und Doktor der Medizin, Johann Thiesen:

Der **M. Kant** wird in den Morgenstunden von 8-9. die Theoretische Phÿsic nach dem Eberhard, von 9-10 die Logic nach Meiern, von 10-11. die Philosoph. Pract. vniuers. und die Ethic nach Baumgarten, und von 11-12 die Metaphÿs. nach eben diesem Autore lesen, kann aber wegen der Stunden noch nichts ganz gewißes bestimmen.

Der **D. und M. Thiesen** wird, wenn er Zuhörer bekommen sollte, in Philosophicis und Rhetoricis nach Gottscheden und Freÿers Anleitung Unterricht geben, kann aber ebenfalls noch keine Stunde bestimmen (Abb. 1; Transkription

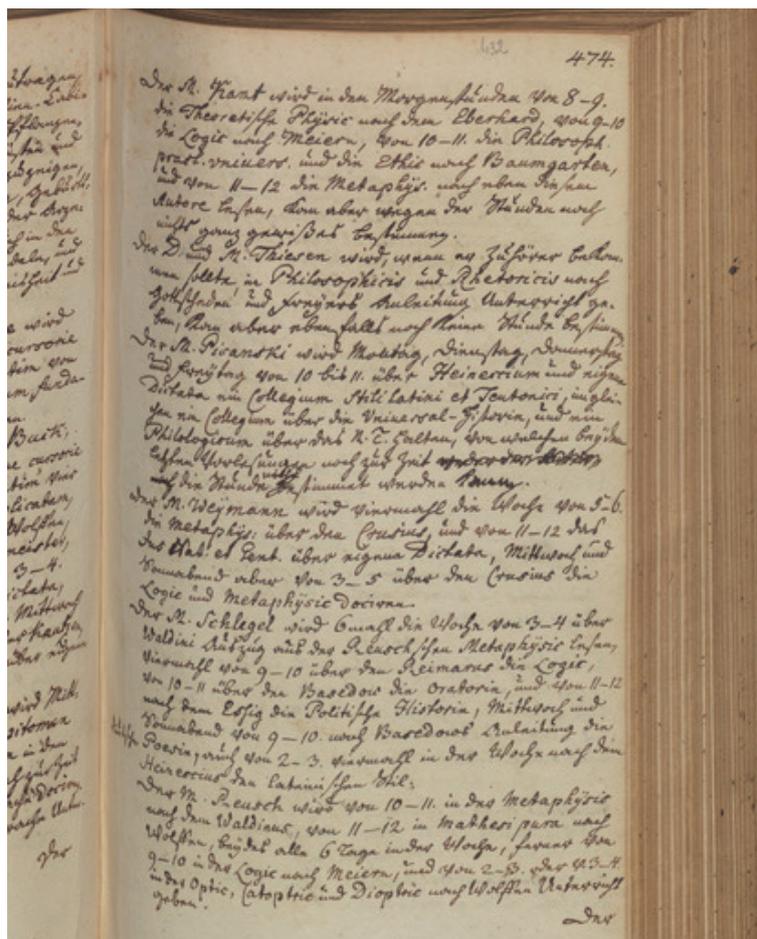

Рис. 1. Из актов сената Альбертины,
архив в Ольштыне (Польша)⁴

Поскольку все искусство красноречия стилистически и философски опиралось на лучшие образцы римско-латинской античности (Цицерон, Сенека, Тертуллиан и др.), то именно эти авторы представляют собой надежный ориентир для создания утешительных писем. Этот аспект будет рассмотрен отдельно во второй части данной статьи. Во всяком случае, Меланхтон, а затем и Готшед предлагали выбирать именно эти образцы для подражания.

⁴ См. с. 474 актов университета. Оцифрованная копия документа доступна на сайте «Кант в Ольштыне». URL: https://projekt-plattform.ikgn.de/zoom/zoom.php?Bild=2/2023/12/42_1646_0_0_304_0432-scaled.jpg (дата обращения: 29.08.2024). — Примеч. ред.

Abb. 1: Aus den Akten des Senats der Albertina,
Archiv in Olsztyn (Polen)

aus den Akten des Senats der Albertina, Wintersemester 1764/65, S. 474, vgl. Pufelska, Barelkowsky, 2024; Stark, 2024).³

³ Der genannte Kollege Kants, Johann Thiesen ist „D. der A. G. [„Doktor der Arznei-Gelehrsamkeit“ = Medizin. — M. W.] und Philosophie wurde 1758 Magister und in demselben J. D. der A. G. und Privatlehrer bey der Universität, liest aber seit vielen Jahren keine Kollegia mehr“ (Goldbeck, 1782, S. 88). Es handelt sich um den Bericht der Universität an das Etats-Ministerium über die geplanten Lehrveranstaltungen. Im gedruckten Lektionskatalog sind lediglich die Vorlesungen der ordentlichen Professoren gedruckt, aber beispielsweise nicht jene des Privatdozenten Kant (Stark, 2024). Sowohl Thiesen als auch Kant bewarben sich 1758 auf die Professur für Logik und Metaphysik des verstorbenen Johann David Kypke (Br, AA 10, S. 4 (11. Dez. 1758); Kommentar, AA 13, S. 4).

Кант также сформировал свое философское мышление в значительной степени под влиянием римских писателей — Цицерона, Сенеки, Лукреция и Горация. Подобное наблюдение было сделано уже одним из современников Канта. Речь идет об Игнаце Аурелии Фесслере, авторе множества сочинений, который в 1795 г. работал над «полным комментарием о стоической философии, в частности о стоицизме Сенеки, и о ее отношении к критической моральной философии» (AA 12, S. 28)⁵. Образ мышления, считающий себя «душевождением» (*психагогия*, наследующая Платону), должен был в равной степени быть близок обоим просветителям — Канту и Готшеду.

2. Биографические сведения о лицах, упомянутых в «Мыслях...»

В этом разделе приводятся некоторые подробности биографий лиц, упомянутых в письме. В своей анонимно опубликованной биографии Канта Меллин пишет, что Кант якобы состоял в дружеских отношениях с матерью студента — Агнес Элизабет фон Функ (Anonym [Mellin], 1804, S. 30–31). Штефан Ванновский также свидетельствует, что Иоганн Фридрих был одним из тех студентов, к которым Кант питал особое уважение и привязанность из-за их характера и таланта (Malter, 1990, S. 131). В издании Эрлера, которое содержит список зачисленных студентов Альбертины, указано, что Иоганн Фридрих и его младший брат поступили в университет 2 июня 1759 г.: «Функ Иог. Фрдр., eq. Curon.» и «Функ Виль. Эрнест., eq. Curon.» (Erler, 1911/1912, S. 472). Аббревиатура, стоящая за именами, означает *eques Curoniensis*, что переводится как «рыцарь из Курляндии», то есть в большинстве случаев владелец поместья.

⁵ Работа, анонсированная Корном в Бреслау, вероятно, так и не появилась. См. комментарий Менцера (AA 13, S. 397). Но там вышли четыре тома в двух изданиях, подготовленных Фесслером: *Marc Aurel. Semper honos nomenque tuum, laudesque manebunt*: in 4 Bdn. 2., verbesserte Aufl. Breslau: Wilhelm Gottlieb Korn, 1799.

Da die ganze Kunst der Beredsamkeit sich stilistisch und philosophisch an den besten Vorbildern der römisch-lateinischen Antike geschult hat (Cicero, Seneca, Tertulian, etc.), bilden diese Autoren einen festen Anknüpfungspunkt für die Gestaltung von Trostschriften. Dieser Aspekt wird im zweiten Teil der vorliegenden Arbeit eigens erörtert werden. Die Wahl dieser Vorbilder schlagen jedenfalls Melanchthon und später Gottsched vor. Auch Kant hat sich in philosophischer Hinsicht zu einem großen Teil an den römischen Schriftstellern Cicero, Seneca, Lukrez und Horaz orientiert. Eine Beobachtung, die bereits ein vielschreibender Zeitgenosse Kants machen konnte; gemeint ist Ignaz Aurelius Feßler, der im Jahre 1795 an einem „vollständigen Commentar über die stoische Philosophie, den besonderen Stoicismus des Seneca, und über das Verhältnis derselben zur kritischen Moral-Philosophie“ arbeitete (Br, AA 12, S. 28).⁴ Ein Denken, dass sich als ‚Seelenleitung‘ (*Psychagogie* im Anschluss an Platon) verstand, musste den beiden Aufklärern, Kant und Gottsched, gleichermaßen nahestehen.

2. Biographisches zu den genannten Personen in den Gedanken

In diesem zweiten Abschnitt seien einige *Biographica* zu den im Sendschreiben erwähnten Personen ergänzt. Mellin berichtet in seiner anonym erschienenen Kantbiografie, dass Kant mit der Mutter Agnes Elisabeth von Funk in gesellig-freundschaftlichem Verkehr gestanden haben soll (Anonym [Mellin], 1804, S. 30-31). Von Stephan Wannowski ist ferner zu erfahren, dass Johann Friedrich zu jenen Studenten gehörte, denen Kant aufgrund ihres Charakters und ihrer Begabung besondere Wertschätzung und Zunei-

⁴ Das angekündigte Werk bei Korn in Breslau erschien wohl nie. Vgl. Menzers Kommentar in AA 13, S. 397. Dort aber in vier Bänden und zwei Auflagen von Feßler: *Marc Aurel, 1799. Semper honos nomenque tuum, laudesque manebunt*. 4 Bde. 2., verbesserte Aufl. Breslau: Wilhelm Gottlieb Korn.

Кант сам приводит краткое описание жизни Функа в конце своих «Мыслей...» (AA 02, S. 42–44; Кант, 1994б, с. 21–22). Он размещает «небольшое описание жизни и характера покойного» (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21). Ссылаясь на записи в регистрационной книге (зачисление должно было произойти в течение десяти дней после прибытия и начала обучения), он пишет, что молодой барон прибыл в Альбертину 12 июня 1759 г. в сопровождении своего младшего брата Вильгельма Эрнста фон Функа и их неназванного домашнего учителя. По свидетельству Канта, Иоганн Фридрих родился 4 октября 1738 г. и умер в возрасте 22 лет, 4 мая 1760 г. Погребение в соответствии с сословной принадлежностью покойного состоялось в кафедральном соборе Кёнигсберга (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21). Кант также упоминает, что Функ слушал его лекции вместе с лекциями двух других профессоров — физика Иоганна Готфрида Теске (1704–1772) и юриста Иоганна Даниэля Функа (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21). Если поменять фокус — переключить внимание с Канта на Функа, — становится ясно, что эти «Мысли...», безусловно, являются важнейшим биографическим источником о жизни Функа и, следовательно, имеют самостоятельную значимость, вполне независимую от знаменитого автора, по крайней мере для потомков и для истории Курляндии.

3. К вопросу о рецепции в рамках биографических исследований Канта

Во-первых, «Мысли...» следует рассматривать с учетом достижений всего предыдущего кантоведения. Данный текст в идеале можно отнести к числу эпизодических работ магистра Канта, которые по определению носят более или менее частный характер и рассматриваются как единичный случай. Исходя из сказанного, этому тексту отводятся маргинальные место и функция в рамках любой попыт-

гung entgegenbrachte (Malter, 1990, S. 131). In Erlers Ausgabe des Matrikelverzeichnisses der Albertina ist nachzulesen, dass Johann Friedrich und sein jüngerer Bruder sich am 2. Juni 1759 an der Universität einschrieben: „Funck de Joh. Frdr., eq. Curon.“ und „Funck de Wilh. Ernest., eq. Curon“ (Erler, 1911/1912, S. 472). Die Abkürzung hinter den Namen steht für „*eques Curonensis*“, d.h. „Ritter aus dem Kurland“, also meist Rittergutsbesitzer.

Kant selbst bringt am Ende der *Gedanken* einen kurzen Lebensabriss Funks (GAJFF, AA 02, S. 42–44). Er entwerfe „eine kleine Zeichnung von dem Leben und dem Charakter des selig Verstorbenen“ (ebd., S. 43). Entgegen den Eintragungen im Matrikelbuch behauptet er (man musste sich innerhalb von zehn Tagen nach Ankunft und Studienbeginn einschreiben), dass der junge Baron am 12. Juni 1759 an die Albertina kam, und zwar in Begleitung seines jüngeren Bruders Wilhelm Ernst von Funk und ihres namentlich nicht genannten Hofmeisters. Geboren wurde Johann Friedrich nach Kants Angaben am 4. Oktober 1738 und verstarb im 22. Lebensjahr, am 4. Mai 1760. Die Beisetzung erfolgte standesgemäß in der Kathedrale zu Königsberg (ebd.). Kant erwähnt darüber hinaus, dass Funk bei ihm und bei zwei weiteren Professoren Collegia hörte, bei dem Physiker Johann Gottfried Teske (1704–1772) und dem Juristen Johann Daniel Funck (1721–1764) (ebd.). Ein Perspektivwechsel — weg von Kant, hin zu Funk — macht deutlich, dass die *Gedanken* sicherlich die wichtigste biografische Quelle zu Funks Leben sind und damit mindestens für die Nachfahren und die Kurländische Lokalgeschichte einen Eigenwert besitzen, der verhältnismäßig unabhängig vom berühmten Autor für sich bestehen kann.

3. Zur Rezeption innerhalb der biografischen Kantforschung

Zunächst seien die *Gedanken* anhand der Rezeption innerhalb der bisherigen Kantforschung

ки философско-систематической интерпретации идей Канта раннего периода. Однако если преподнести это сочинение в исторически корректном контексте, то содержащиеся в нем философские темы можно удачно вписать в общую картину развития кантовской мысли.

При сравнительном прочтении диссертаций Канта и написанных им текстов приглашений и программ прежде всего становится ясно, что все эти сочинения, включая его единственное утешительное письмо, преследуют цели, во многом predeterminedенные ожиданиями и традициями (в том числе в отношении стиля и формы), присущими организованному по словному принципу обществу. Этот аспект происхождения, который сегодня можно охарактеризовать как социологически обусловленный средой, является общим для всех трех текстовых форм, используемых Кантом: так, диссертация с последующей защитой призвана продемонстрировать актуальность философских аргументов. Текст и последовательность изложения предписаны строго и неукоснительно, они основаны на академических традициях (Marti, 2023). Университет имеет право «по результатам экзамена присваивать общепризнанный статус (степень) свободным (не входящим в состав университета) учителям, именуемым докторами, т.е. официально избирать их» (AA 07, S. 17; Кант, 2024б, с. 259).

Приглашения или программы можно было составлять более свободно по содержанию, и они должны были вдохновлять потенциальных слушателей на посещение конкретной лекции, при этом для выбора тем следовало использовать рекомендованные властями учебники и учебные планы (Rosenkranz, 1878, S. 247–248), что должно было противодействовать недобросовестной практике, когда профессора просто зачитывали диктант (Paulsen, 1921, S. 142–145).

Утешительное письмо, о котором идет речь в данной статье, призвано помочь преодолеть боль от потери близкого человека с помощью

бetrachtet. Bestenfalls hat man diesen Text unter das Gelegenheitschrifttum, das *qua* Definition mehr oder minder privater Natur ist, des Magisters eingereiht und als ein einmaliges Kuriosum betrachtet. Konsequenterweise würde der Schrift auf dieser Basis für jeden Versuch einer philosophisch-systematischen Auslegung von Kants frühem Denken eine randständige Stellung und Funktion zugewiesen werden müssen. Würde man die Schrift jedoch im historisch korrekten Kontext präsentieren, könnten die in ihr enthaltenen Philosopheme in das Gesamtbild von Kants Denkentwicklung gewinnbringend einbezogen werden.

Anhand einer vergleichenden Lektüre mit Kants Dissertationen und seinen Einladungs- oder Programmschriften wird zunächst deutlich, dass alle diese Schriften inklusive seiner einzigen Trostschrift Zwecke verfolgen, die in einer ständisch organisierten Gesellschaft von Erwartungen und Konventionen, auch hinsichtlich Stil und Form, in großen Teilen vorgegeben sind. Diese heute wohl als ‚soziologisch-milieubedingt‘ zu charakterisierende Entstehungskomponente ist allen drei von Kant bedienten Textformen gemeinsam: Eine Dissertation mit anschließender Disputation soll zeigen, dass philosophisch auf der Höhe der Zeit argumentiert wird. Textgestaltung und Ablauf der Präsentation sind strikt und statutenmäßig vorgeschrieben; sie richten sich nach den akademischen Gepflogenheiten (Marti, 2023). Die Universität hat das Recht „freie (keine Glieder derselben ausmachende) Lehrer, Doctoren genannt, nach vorhergehender Prüfung aus eigener Macht mit einem von jedermann anerkannten Rang zu versehen (ihnen einen Grad zu ertheilen), d.i. sie zu creiren“ (SF, AA 07, S. 17).

Die Einladungs- oder Programmschriften konnten inhaltlich freier gestaltet werden und sollten potentielle Hörer für den Besuch einer bestimmten Vorlesung motivieren, wobei für ihre Themenauswahl die ministeriell empfohlenen Lehrbücher und *Curricula* heranzuziehen

философских рассуждений и соответствующих высказываний в случае тяжелой утраты. В самом широком смысле оно относится к назидательным сочинениям, широко распространенным со времен Лютера, но принявшим человекоцентрированный характер благодаря просветителю Канту. В связи с этим интерпретатору приходится в дальнейших суждениях учитывать до сих пор игнорировавшийся фактор дифференциации соответствующих адресатов текстов Канта. Очевидно, что в случае диссертаций таковыми выступают ученые и студенты, в случае программных текстов — учащиеся, а в случае «Мыслей...» — скорбящая мать, эмоционально переживающая потерю сына-юноши, а также родственники и друзья из кёнигсбергской или восточнопрусской аристократии и образованной буржуазии. В своем утешительном письме Кант продемонстрировал попытку соответствовать требованиям просвещенного времени относительно популярно-философской, но в то же время глубокой по смыслу речи.

Ранее биографы и издатели рассматривали это письмо только в самых общих чертах и, возможно, без особого интереса, резюмируя или пересказывая его содержание без каких-либо комментариев и анализа с соответствующими фактологическими пояснениями. Таким образом, комплексная попытка контекстуализации до сих пор не была предпринята.

Предложенная Фридрихом Теодором Ринком идентификация «Мыслей...» в рамках кантовского корпуса текстов определила направление практически всей последующей рецепции, продолжающейся по сей день. В качестве редактора «Сборника неизвестных ранее малых сочинений Иммануила Канта» (1807) Ринк оправдывается перед читателями тем, что «Мысли...» могли бы «запросто оказаться в стороне» (Rink, 1807, S. 4). Сборник был опубликован в качестве четвертого, дополнительного тома к изданному Иоганном Генрихом

waren (Rosenkranz, 1846, S. 247–248), dies, um dem Unwesen entgegenzusteuern, dass die Professoren einfach einen vorbereiteten Diktattext ablesen (Paulsen, 1921, S. 142–145).

Die Trostschrift, um die es hier gehen soll, kann mit Hilfe philosophischer Erwägungen und durch entsprechenden Vortrag im Trauerfall über den Schmerz des Verlusts einer geliebten Person hinweghelfen. Sie gehört damit im weitesten Sinne zu den seit Luther verbreiteten Erbauungsschriften, die aber durch den Aufklärer Kant eine ‚anthropo-zentrierende‘ Wendung erhält. Vor diesem Hintergrund wird der Interpret zudem also die bisher vernachlässigte Komponente einer Differenzierung der jeweiligen Adressaten von Kants Texten bei den ferneren Beurteilungen einzubeziehen haben. Offenkundig sind seine Adressaten im Fall der Dissertationen Akademiker und Studenten, im Fall der Programmschriften Studenten und im Fall der *Gedanken* eine durch den Verlust ihres jugendlichen Sohnes trauernde Mutter nebst Angehörigen und Freunden aus dem Umkreis der Königsberger oder ostpreußischen Aristokratie und des Bildungsbürgertums. Mit seiner Trostschrift gibt Kant eine Probe davon, dass er den Anforderungen des aufgeklärten Zeitgeistes an einen populärphilosophischen, aber dennoch tiefgründigen Vortrag gewachsen ist.

Bisherige Biografen und Herausgeber haben das Sendschreiben mit wenigen Worten abgehandelt, indem sie eher den Inhalt zusammengefasst oder paraphrasiert haben, anstelle diesen anhand geeigneter Sacherläuterungen zu kommentieren und aufzuschlüsseln. Ein umfassend angelegter Kontextualisierungsversuch blieb bis *dato* also aus.

Richtungweisend für die nahezu gesamte spätere, bis in die Gegenwart wirkende Rezeption ist Friedrich Theodor Rinks Einordnung der *Gedanken* innerhalb des Kant'schen Textkorpus. Als Herausgeber der *Sammlung einiger bisher unbekannt gebliebener kleinerer Schriften von Immanu-*

Тифтрукном собранию «Различных сочинений Имануила [sic!] Канта» (1899). Несмотря на такой комментарий, Ринк старается не утаивать от читателя «Мысли...» и оставляет за ним право самому решать, как их следует прочесть: «Впрочем, я уверен, что иная часть публики невольно пропустила бы это сочинение, поскольку здесь автор чуть ли не более, чем где-либо еще, переходит из школьной жизни в общественную и тем самым открывает определенные приятные грани собственного характера, ничуть не умаляя при этом своей сущности» (Ibid.). В этих вступительных словах Ринк причисляет «Мысли...» к популярным сочинениям Канта и релятивизирует содержащиеся в них философские перспективы. Его первая характеристика кажется верной, поскольку сочинение предназначено не исключительно для академической профессиональной аудитории, а скорее, в более узком смысле, для скорбящей общины и, в более широком смысле, для заинтересованной публики. Об этом свидетельствует достаточно понятный и легкий стиль изложения. Поскольку это сочинение представляет Канта с индивидуальной стороны и раскрывает «приятные грани» его характера, оно обладает и автобиографической ценностью — вносит вклад в изучение личности Канта.

Ссылаясь на аналогичные мотивы, Пауль Менцер вновь включил «Мысли...» в 1911 г. в свой сборник «Популярные сочинения Канта», изданный по поручению Кантовского общества. По его убеждению, знание личности Канта помогает глубже понять его философию. Менцер усматривает в письме свидетельства человеческой «теплоты и тактичной сдержанности» великого кёнигсбержца (Menzer, 1911, S. III–IV). Вполне обоснованным было бы следующее видение эмоциональной жизни Канта: преждевременной смертью был чрезвычайно поражен и сам Кант, и «те, к кругу которых он (Функ. — М.В.) принадлежал» (АА 02, S. 44; Кант, 1994б, с. 22). То, что к написанию текста

el Kant (1807), entschuldigt er sich bei den Lesern. Die *Gedanken* hätten „füglich wegbleiben“ können (Rink, 1807, S. 4). Die Sammlung ist als vierter, ergänzender Band zu Johann Heinrich Tieftrunks Sammlung von *Immanuel [sic!] Kant's vermischten Schriften* (1899) erschienen. Trotz dieses Einwands will Rink die *Gedanken* dem Leser dann doch nicht vorenthalten und überlässt ihm die Lektüreentscheidung selbst: „Indessen bin ich gewiß, daß wieder ein anderer Theil des Publicums ungerne diesen Aufsatz würde vermißt haben, da der Verfasser hier fast mehr, als sonst irgendwo, aus der Schule in das bürgerliche Leben übertritt, und dadurch gewisse Gesichtspunkte zur liebenswürdigsten Charakterschilderung seiner selbst eröffnet, ohne dabey, was er sonst ist, im mindesten weniger zu seyn“ (ebd.). Mit diesen einführenden Worten schlägt Rink die *Gedanken* zu den populären Schriften Kants und relativiert die enthaltenen philosophischen Perspektiven. Seine erstgenannte Zuschreibung erscheint insofern korrekt, als sich die Schrift keineswegs an ein ausschließlich akademisches Fachpublikum, sondern an eine Trauergemeinde im engeren und eine interessierte Öffentlichkeit im weiteren Sinne richtet. Dies setzt eine verständliche, gefällige und gut lesbare Schreibart voraus. Insofern sie Kant von einer persönlichen Seite zeige und seinen „liebenswürdigsten“ Charakter erkennen lasse, besitzt die Schrift zusätzlich einen autobiografischen Wert, indem sie einen Beitrag zu Kants Persönlichkeit liefert.

Unter Nennung ähnlicher Motive hat Paul Menzer die *Gedanken* im Jahr 1911 erneut in seine im Auftrag der *Kant-Gesellschaft* herausgegebenen Sammlung *Populärer Schriften* Kants aufgenommen. Er ist der Überzeugung, dass die Kenntnis der Persönlichkeit Kants helfe, das Verständnis seiner Philosophie zu vertiefen. Daher erblickt er im Sendschreiben Anhaltspunkte für die menschliche „Wärme und taktvolle Zurückhaltung“ des großen Königsbergers (Menzer, 1911, S. III-IV). Dieser unterstellte Ein-

Канта подтолкнула его личная привязанность к Функу, — вполне естественно и не требует иных обоснований, кроме как со стороны самого Канта: «...я стремился выразить уважение, которое я питал к этому своему бывшему слушателю» (AA 02, S. 41; Кант, 1994б, с. 18).

К сожалению, изучение характера и личности великих мыслителей, таких как Кант, судя по всему, вытеснено из философских исследований и вышло из моды, потому что зачастую оно подразумевает использование субъективных представлений. Тем не менее стоит надеяться, что кантоведение вернется к этим вопросам⁶.

В XIX в. при изучении наследия Канта весомое значение получили зачастую весьма поспешные высказывания двух кёнигсбергских профессоров: Розенкранца и Шуберта. Фридрих Вильгельм Шуберт, который вместе с Карлом Розенкранцем (Stark, 1993, S. 64) осуществил первое издание «Собрания сочинений» Канта, следуя манере Ринка, пишет: «Это письмо кажется самым слабым произведением в этом томе» (Schubert, 1838, S. X). Следовательно, хотя текст и дополняет это издание, он не имеет большого философского значения. Однако Шуберт по крайней мере признает ценность «Мыслей...» как документального свидетельства духовного развития Канта и его взглядов на вопросы практической философии того времени. Сопоставление Шубертом этой работы с более поздними морально-философскими трактатами Канта, такими как «Метафизика нравов» или «Критика практического разума», является неверным подходом. Учитывая изложенное выше различие текстов для разных адресатов, придем к сравнению как в поговорке «Не яблоко ли груша» (Gottsched, 2023, S. 125).

⁶ О совокупности вопросов относительно личности Канта, в том числе о его эмоциональной жизни, которая в настоящее время, как правило, исключается из исследований по подозрению в психоаналитических спекуляциях, см. прежде всего: (Menzer, 1924), с определенными ограничениями (Heller, 1924) и особенно замечания психолога Карла Ясперса (Jaspers, 1956).

blick in Kants Gefühlsleben ist berechtigt: Kant selbst war vom frühzeitigen Tod, gemeinsam mit „all jenen, die ihn [Funk — M.W.] kannten“, tief berührt (GAJFF, AA 02, S. 44). Dass Kant die persönliche Verbundenheit mit Funk veranlasst haben wird, den Text zu verfassen, liegt in der Natur der Sache und bedarf keiner weiteren Rechtfertigung außer derjenigen von Kant selbst: „dadurch ich die Achtung auszudrücken trachte, die ich für diesen meinen ehemaligen Zuhörer gehegt habe“ (ebd., S. 41).

Die Nachzeichnung des Charakters und der Persönlichkeit großer Denker wie Kant scheint leider aus der philosophischen Forschung verdrängt worden zu sein und ist außer Mode geraten, weil sie oft subjektive Einsichten einfließen lassen muss. Es bleibt dennoch zu wünschen, dass dieser Themenkomplex in der Kantforschung erneut aufgegriffen wird.⁵

Von Gewicht in Fragen der Kantforschung waren im 19. Jahrhundert die oft vorschnellen Ausführungen der beiden Königsberger Professoren Rosenkranz und Schubert. Friedrich Wilhelm Schubert, der mit Karl Rosenkranz zusammen (Stark, 1993, S. 64) die erste Ausgabe von Kants *Sämtlichen Werken* veranstaltete, hält sich an Rinks Duktus und wertet: „Dieses Sendschreiben erscheint offenbar als das schwächste Product dieses Bandes“ (Schubert, 1838, S. X). Ergo vervollständige die Schrift eine Gesamtausgabe zwar, habe jedoch nur wenig philosophische Aussagekraft. Doch billigt Schubert den *Gedanken* immerhin einen dokumentarischen Wert für Kants geistige Entwicklung und für seinen damaligen Standpunkt in Fragen der praktischen Philosophie zu. Dabei ist die durch Schubert angedeutete vergleichende Bemessung der Schrift an Kants späteren moralphiloso-

⁵ Zu diesem Fragekomplex nach Kants Persönlichkeit unter Einbeziehung seines Gefühlslebens, der heute eher unter dem Verdikt psychoanalytisch angehauchter Spekulation aus der Forschung ausgeklammert wird, lese man vor allem Menzer (1924), sowie mit Abstrichen Heller (1924) und besonders die Ausführungen des Psychologen Karl Jaspers (1956).

Это связано с тем, что язык и уровень знаний должны быть уместны и соответствовать аудитории, к которой обращаются. Шуберт также отмечает, что текст основывается не столько на «частных обстоятельствах», сколько на «общих взглядах» (Schubert, 1838, S. X). Тем не менее на первый взгляд это было не научное, а изначально личное, риторически оформленное письмо, написанное по случаю. Если сравнение в рамках всех работ Канта вообще имеет смысл, было бы интересно сопоставить причины утешения и выбор выражений в тексте «Мыслей...» с черновиком личного утешительного письма к Марии фон Герберт, написанного весной 1792 г. (AA 11, S. 331–334; Кант, 1980).

Куно Фишер, который по праву называет «Мысли...» речью, в целом оценивает ситуацию более объективно. В то же время он видит в них возрожденную приверженность и признак продолжения размышлений Канта над лейбницевской темой «наилучшим образом упорядоченного мира». Кант подробно рассмотрел эту тему незадолго до того в сочинении «Об оптимизме» (AA 02, S. 27–35; Кант, 1994a; Fischer, 1889, S. 108). Несмотря на то что Фишер не исследует исторические обстоятельства появления «Мыслей...», его классификация и предполагаемая философская мотивация служат важным ориентиром для дальнейшей интерпретации.

Примечательно, что соответствующие рассуждения некоторых более поздних кантоведов уступают выводам Фишера в отношении как определения текстовой формы, так и философской классификации. В лучшем случае эти рассуждения приводят к сходным результатам. Упоминание письма Манфредом Кюном производит впечатление, как будто он из-за затруднения или отсутствия интереса дает весьма общие пояснения: «Одна из самых необычных публикаций Канта посвящена его [Функа] безвременной кончине. Она была написана в виде письма матери Функа, в кото-

phischen Abhandlungen, wie der *Metaphysik der Sitten* oder der *Kritik der praktischen Vernunft*, ein verfehltter Ansatz. Hält man sich die soeben ausbuchstabierte Differenzierung von Texten für verschiedene Adressaten vor, führt dies zum sprichwörtlichen Vergleich, „ob nicht ein Apfel eine Birne sey“ (Gottsched, 2023, S. 125). Denn Sprache und Höhe der Fachlichkeit müssen dem angesprochenen Publikum angemessen und angepasst sein. Schubert konstatiert ferner, der Text rühre weniger von „Privatverhältnissen“ als von „allgemeinen Ansichten“ her (Schubert, 1838, S. X). Dennoch sei die Schrift *prima facie* keine gelehrte, sondern zunächst eine persönliche, rhetorisch aufbereitete Gelegenheitschrift. Wenn überhaupt ein Vergleich innerhalb des Kant'schen *Ceuvres* sinnvoll erscheint, wäre wohl reizvoll, Trostgründe und Wortwahl der *Gedanken* dem Entwurf eines persönlichen Trostschreibens an Maria von Herbert, Frühjahr 1792, gegenüberzustellen (*Br*, AA 11, S. 331-334).

Insgesamt gerechter beurteilt Kuno Fischer die Angelegenheit, der die *Gedanken* passend als „Redenschrift“ anspricht. Zugleich erkennt er in ihr eine erneute Zuwendung und ein Zeichen für das anhaltende Nachdenken Kants über das Leibniz'sche Motiv der „bestgeordnetsten Welt“. Kant habe dieses Thema kurz zuvor eingehend im *Optimismus*-Aufsatz diskutiert (*VBO*, AA 02, S. 27-35; s. Fischer, 1889, S. 108), obwohl Fischer die historischen Konstellationen um die Entstehung der *Gedanken* ausklammert, bilden seine Klassifizierung und die unterstellte philosophische Veranlassung einen wichtigen Hinweis zur ferneren Auslegung.

Einschlägige Erwägungen einiger neuerer Kantforscher bleiben erstaunlicherweise sowohl hinsichtlich der Bestimmung der Textform als auch der philosophischen Einordnung hinter Fischer zurück. Bestenfalls kommen sie zu ähnlichen Ergebnissen. Manfred Kühns Ausführungen zum Sendschreiben sind allgemein gehalten: „One of Kant's most peculiar publications deals with his [Funk's] untimely death. It was written in the form

ром Кант хвалил характер ее сына и использовал его смерть как повод для размышлений о смысле жизни» (Кюн, 2021, с. 181). Предваряющее утверждение Кюна о том, что это одна из самых необычных публикаций Канта, кажется ошибочным, поскольку текст представляет собой эпизодическое письмо, соответствующее требованиям времени и характерное для того места и сословия. Его указание, что в «Мыслях...» одновременно описывается жизнь умершего и ведутся размышления о смысле жизни, намекает на их двухчастную структуру. Однако помимо этого замечания возникает вопрос, почему Кант вообще создает свое произведение в дихотомическом ключе, чередуя описание жизни и философскую рефлексию. Является ли это причудой либо авторской манерой великого мыслителя, или Кант следует стилистическому руководству, некоей схеме? В случае с обычным, популярным, написанным по учебнику письмом исчез бы любой видимый ореол своеобразия кантовских «Мыслей...»⁷.

В многократно переизданной книге Герда Ирлица «Кантовский справочник» (Irlitz, 2015) «Мысли...» даже не упоминаются. Красноречивое молчание, из которого следует сделать вывод, что Ирлиц не придает тексту никакой философской значимости? Возможно, здесь он идет за Георгом Клаусом (Klaus, 1977), у которого «Мысли...» — при всей его манере вставлять многочисленные комментарии к Канту из Энгельса и Ленина — не имеют тематической привязки. И это несмотря на то, что Клаус со всей очевидностью обращается к изучению жизни молодого магистрата (Ibid., S. 145–152).

Карл Форлендер, в свою очередь, признает

⁷ В этом смысле словарь Дудена приводит следующие синонимы для слова «своеобразный»: любопытный, странный, необычный, особый, экстравагантный и т.д. См.: <https://www.duden.de/synonyme/eigentuemlich> (дата обращения: 09.09.2023). В немецком издании (Kühn, 2003) эта оценка опущена. Здесь лишь упоминается — и вполне в духе Ринка и Шуберта, — что это эпизодические работы для использования в частных целях, которые вносят «едва ли сколько-нибудь значительный вклад» в философию (Ibid., S. 164).

of a letter to Funk's mother, in which Kant praised the character of her son and used the occasion to reflect on the meaning of life" (Kuehn, 2002, p. 126). Kühns Vordersatz, es handle sich um eine von Kants eigenartigsten oder eigentümlichsten („most peculiar“) Veröffentlichungen, erscheint verfehlt, da es sich bei dem Text um eine dem Zeitgeschmack angemessene sowie orts- und standesüblichen Gelegenheitsschrift handelt. Sein Hinweis, dass sowohl das Leben des Verstorbenen beschrieben als auch Reflexionen über den Sinn des Lebens angestellt werden, spielt auf die zweigeteilte Anlage der *Gedanken* an. Die Frage lautet jedoch, über dieses Statement hinausgehend, warum Kant seine Arbeit überhaupt im dichotomischen Modus aus ineinanderfließender Lebensbeschreibung und philosophischer Reflexion entworfen hat. Handelt es sich um eine subjektiv motivierte Entschädigung oder der folgt Kant einer stilistischen Orientierungshilfe, einem Muster? Im Falle eines konventionellen, populär gehaltenen, lehrbuchmäßig ausgearbeiteten Sendschreibens würde jede äußere Aura des Eigentümlichen von Kants *Gedanken* wegfallen.⁶

Das mehrfach aufgelegte *Kant-Handbuch* von Gerd Irlitz (2015) schweigt gar zu den *Gedanken*. Ein beredtes Schweigen, aus dem rückzuschließen ist, dass Irlitz dem Text keine philosophische Relevanz zubilligt? Vielleicht folgt er dem Vorbild von Georg Klaus (1977), bei dem die *Gedanken* — anders als seine Neigung, vielfache Kommentare von Engels und Lenin zu Kant einzubauen — anathematisch sind. Und dass, obwohl sich Klaus ganz explizit mit der Lebenswelt des jungen Magisters befasst (ebd., S. 145-152).

⁶ In diesem Sinne zählt der *Duden* folgende Synonyma zu ‚eigentümlich‘: kurios, absonderlich, sonderbar, seltsam, sonderlich, extravagant u.a.m. Vgl. <https://www.duden.de/synonyme/eigentuemlich> (Zuletzt aufgerufen am 09.09.2023). In der deutschen Ausgabe (Kühn, 2003) entfällt diese Beurteilung. Hier wird lediglich erwähnt — und zwar ganz im Anschluss an Rink und Schubert —, dass es sich um Gelegenheitsschriften zum örtlichen Gebrauch handle, die „kaum einen nennenswerten Beitrag“ zur Philosophie leisten (ebd., S. 164).

существование источника, позволяющего судить об эмоциональной жизни Канта. Философ не лишен и «тонких чувств». В то же время становится очевидным всеобщее уважение, которым пользовался Кант, поскольку именно от него ждали слов утешения (Vorländer, 1992, S. 88–89). Биография, написанная Форлендером, направляет нас на верный путь, так как он признает, что это письмо среди всех сочинений Канта демонстрирует «наиболее общий риторический стиль» (Ibid., S. 112). Даже если принять, что философское содержание здесь маргинализировано, все равно это кантовское сочинение будет, по крайней мере согласно компетентной оценке Форлендера, самым ценным с риторической точки зрения. Если углубиться в этот аспект, то короткий текст окажется свидетельством языкового мастерства, что с неизбежностью заставит нас вспомнить о большой популярности Канта как красноречивого и общительного хозяина и гостя (Malter, 1990, S. 626; см. фрагменты под названием «Общество»).

С литературно-исторической точки зрения Тобиас Розефельдт идентифицирует «Мысли...» исходя из выбранного самим Кантом названия «письмо» (AA 02, S. 37), которое «таким образом относится к жанру текста», где «частная и публичная речь сочетаются в манере, характерной для XVIII века» (Rosefeldt, 2015, S. 685). Но даже с учетом этого общего наблюдения удается достичь относительно немногого.

Мартин Шёнфельд, представивший широко цитируемую монографию о философии молодого Канта, лишь упоминает, что существует, как он говорит, «некролог» по поводу смерти Функа (Schönfeld, 2000, p. VI). Философского содержания он совершенно не касается. Мне кажется, стоит упомянуть его замечание о том, что Кант ничего не публиковал в течение двух лет после смерти Функа (Ibid., p. 185). Впрочем, он не пытается дать этому объяснение. Следует помнить, что Кант, вероятно, считал себя меланхоликом (Vaihinger, 1898) и поэтому вполне

Karl Vorländer erkennt gleichfalls ein Schriftstück, das Einblicke in Kants Gefühlsleben gewährt. Der Philosoph entbehre auch „weicherer Gefühle“ nicht. Zugleich werde die allgemeine Wertschätzung gegenüber Kant deutlich, da man ganz besonders von ihm Worte des Trostes erwartet habe (Vorländer, 1992, S. 88-89). Vorländers Lebensbild führt gleichfalls auf die richtige Spur, indem er zugesteht, dass dieses Sendschreiben von Kants Schriften das „allermeiste rhetorische Gepräge“ aufweise (ebd., S. 112). Stimmt man einer Marginalisierung des philosophischen Inhalts zwar zu, so wäre die Schrift dennoch, jedenfalls nach Vorländers berufener Einschätzung, unter rhetorischen Gesichtspunkten betrachtet, die wertvollste Kants. Führt man diesen Aspekt gedanklich weiter, so wäre der kurze Text also ein sprachkünstlerisches Zeugnis, bei dem man fast zwangsläufig an Kants große Beliebtheit als eloquenter und gesprächiger Gastgeber bzw. Gast denken muss (Malter, 1990, S. 626, die Stellen unter dem Stichwort „Gesellschaft“).

Literaturhistorisch ordnet Tobias Rosefeldt die *Gedanken* anhand der selbstgewählten Bezeichnung Kants als „Sendschreiben“ (GAJFF, AA 02, S. 37) ein, welches „somit in eine Textgattung“ fällt, „in der sich auf für das 18. Jahrhundert typischerweise private und öffentliche Redemischen“ (Rosefeldt, 2015, S. 685). Doch auch mit dieser allgemein gehaltenen Beobachtung ist noch nicht viel gewonnen.

Martin Schönfeld, der eine standardmäßig zitierte Monographie zur Philosophie des jungen Kant vorlegt, nennt lediglich, dass es den, wie er sagt, „Nekrolog“ auf Funk gibt (Schönfeld, 2000, S. VI). Zum philosophischen Gehalt schweigt er gänzlich. Erwähnenswert scheint mir seine Bemerkung, dass Kant nach Funks Tod zwei Jahre nichts mehr veröffentlicht habe (ebd., S. 185). Eine Erklärung dafür versucht er allerdings nicht zu geben. Zu bedenken gilt, dass Kant sich wohl selbst als Melancholiker betrachtet hat (Vaihinger, 1898) und deshalb vom Tod eines sei-

мог глубоко переживать смерть одного из своих любимых учеников. Сам Кант писал, что в ранние годы он не воспринимал потрясения и жизненные невзгоды с легкостью стоика: «У меня... была природная предрасположенность к ипохондрии, которая в молодости граничила с отвращением к жизни» (AA 07, S. 104; Кант, 2024б, с. 349). С учетом этого автобиографического высказывания «Мысли...» можно также рассматривать как практику или как писательскую самореализацию Кантом стоического идеала жизни, поскольку в традиции римской Стои было рассматривать письменную деятельность как терапию (Ackeren, 2011, S. 319).

Наконец, что не менее важно, особенно примечательна трактовка Вольфганга Ритцеля: «По своей тематике, структуре и красноречию этот короткий текст представляет собой погребальную речь, которая сделала бы честь любому выступающему с кафедры оратору» (Ritzel, 1985, S. 78). Так же, как Фишер и Форлендер, Ритцель сближает «Мысли...» с риторической практикой.

Проведенный обзор кантоведческих исследований дает неоднозначный результат, поскольку во вторичных источниках приводится целый ряд текстовых жанров: письмо, как называет его сам Кант, послание, речь, траурное послание, похоронная речь. Глубокая философская ценность «Мыслей...» почти всегда ставится под вопрос. Зато практически везде подчеркивается их популярный и биографический характер. Иногда отмечается тематическая дихотомия. В литературно-историческом плане утешительное письмо относится к категории текстов, написанных по случаю и типичных для данного региона, при этом по умолчанию предполагается, что читатель знает, что именно понималось под регионально типичными текстами по случаю в Кёнигсберге около 1760 г.

Часто остается совершенно непонятным, зачем Кант вообще напечатал эти «Мысли...». Как следует из вступительных замечаний

нер любимого студента schwer mitgenommen gewesen sein könnte. Dass Kant die Erschütterungen und Unwägbarkeiten des Lebens in seinen früheren Jahren keineswegs mit der Leichtigkeit des Stoikers nahm, schreibt er selbst: „Ich habe [...] eine natürliche Anlage zur Hypochondrie, welche in früheren Jahren bis an den Überdruß des Lebens gränzte“ (SF, AA 07, S. 104). Mit Blick auf diese autobiografische Angabe könnten die *Gedanken* auch als eine Einübung oder als schreibender Selbstvollzug eines stoischen Lebensideals durch Kant gelesen werden, insofern in der römisch-stoischen Tradition Schreiben als Therapieform galt (s. Ackeren, 2011, S. 319).

Zu guter Letzt ist Wolfgang Ritzels Lesart besonders bemerkenswert: „Die kleine Schrift ist nach Gegenstand, Anlage und Suada eine Leichenrede, die jedem Kanzelredner Ehre machen würde“ (Ritzel, 1985, S. 78). Ähnlich wie zuvor Fischer und Vorländer rückt damit auch Ritzel die *Gedanken* in die Nähe einer rhetorischen Praxis.

Der versuchte Überblick aus der Kantforschung hat ein heterogenes Ergebnis gezeitigt, da innerhalb der Sekundärliteratur eine ganze Anzahl von Textgattungen aufgezählt werden: Sendschreiben, wie Kant es selbst nennt, Brief, Redenschrift, Trauerschrift, Leichenrede. Der tiefere philosophische Wert der *Gedanken* wird dabei fast durchgängig mit einem Fragezeichen versehen. Dagegen wird der populäre und biografische Charakter fast stets unterstrichen. Eine thematische Zweiteilung wird gelegentlich bemerkt. Literaturhistorisch wird das Sendschreiben dem ortsüblichen Gelegenheitsschrifttum zugewiesen, wobei stillschweigend vorausgesetzt wird, dass der Leser Kenntnisse darüber besitzt, was in Königsberg um 1760 unter einem ortsüblichen Gelegenheitsschrifttum verstanden wurde.

Gänzlich unklar bleibt vielfach, weshalb Kant die *Gedanken* überhaupt abdrucken ließ. Schubert (1838, S. X), wie aus seinen einleitenden Bemerkungen weiter zu erfahren ist, überlegte zunächst, den Text in die Abteilung „Briefe“ einzurücken. Damit hätte er den Gesichtspunkt des

Шуберта, первоначально он собирался поместить этот текст в раздел «Письма» (Schubert, 1838, S. X). Это подчеркнуло бы аспект частного повода. В свою очередь, Розефельдт называет следующую причину публикации письма: «Публикация обоснована тем, что Кант рассматривает смерть Функа как повод для общих размышлений о том, как мы должны прожить свою жизнь, учитывая, что наши жизненные планы в любой момент могут быть нарушены безвременной смертью» (Rosefeldt, 2015, S. 685). И это может означать, что Кант решил опубликовать свои общие философские размышления на тему смерти, чтобы сделать их доступными для более широкой читательской аудитории. А оставленные для потомков воспоминания Канта о юном ученике и возможная дружба с его матерью отходят тогда на второй план.

Вероятно, доля истины есть и в том, и в другом объяснении. Текст является публичным наполовину. О редкости этого печатного текста, как это отмечалось еще до Второй мировой войны, свидетельствует тот факт, что лишь несколько экземпляров распространились за пределами Восточной Пруссии. Следовательно, текст, скорее всего, предназначался только для распространения среди ограниченной группы людей или для отправки тем, кто имел с местными жителями биографические связи. Например, было принято раздавать такие траурные письма после церковной службы в воскресенье перед похоронами. Предположительно, «Мысли...» нельзя было приобрести у торговцев книгами. Обычно авторы печатали такие тексты за свой счет и распространяли их бесплатно. Краткость текста объясняется прагматической причиной: скорбящие стояли у могилы. Это тексты, которые «не должны быть слишком длинными, потому что слушателям придется стоять и устанут ноги» (Berndt, Spalinger, 2023, S. 162). Вероятно, и публикация была вызвана прагматическими причинами: многие друзья и родственники умершего человека находились в

частном Анlasse unterstrichen. Hingegen führt Rosefeldt (2015, S. 685) als Grund für die erfolgte Drucklegung an: „Die Veröffentlichung ist insofern gerechtfertigt, als Kant den Tod Funks zum Anlass für allgemeine Betrachtungen darüber nimmt, wie wir unser Leben angesichts der Tatsache führen sollten, dass unsere Lebenspläne jederzeit von einem frühzeitigen Tod durchkreuzt werden können.“ Dies würde bedeuten, dass Kant sich zur Drucklegung entschloss, um seine allgemeinen philosophischen Betrachtungen zum Thema ‚Tod‘ einem erweiterten Leserkreis zugänglich zu machen. Dem gegenüber würde dann das von Kant für die Nachwelt festgehaltene Gedenken an den jungen Schüler und eine eventuelle Freundschaft zur Mutter in den Hintergrund treten. Die Wahrheit liegt vermutlich auf beiden Seiten. Die Schrift ist halböffentlich. Die Seltenheit des Drucks, wie dies auch schon vor dem Zweiten Weltkrieg bemerkt wurde, belegt, dass nur wenige Exemplare außerhalb Ostpreußens verbreitet waren. Demzufolge sollte die Schrift vermutlich nur an einen vor allem lokal zusammengesetzten Personenkreis ausgegeben werden oder an solche mit einem biografischen Lokalbezug geschickt werden. Üblich war etwa, solche Trauerschriften am Sonntag vor der Beerdigung nach dem Gottesdienst verteilen zu lassen. Vermutlich waren die *Gedanken* nicht käuflich bei einem Buchhändler erhältlich. Die Autoren haben solche Schriften meist auf eigene Kosten drucken lassen und kostenlos verteilt. Die Kürze der Schrift ist dem pragmatischen Grund geschuldet, dass die Trauergäste am Grab stehen. Texte, die „nicht allzu lang sein sollten, weil die Zuhörenden schließlich stehen müssten und müde Beine kriegen würden“ (Berndt und Spalinger, 2023, S. 162). Auch der Druck hatte wohl eher pragmatische Gründe: Viele Freunde und Verwandte eines Verstorbenen lebten nicht am Heimatort. Sie konnten nur durch briefliche Schilderungen und gedruckte Trostschriften Anteil nehmen.

ли от дома. Они могли принять участие в этом процессе только посредством чтения писем и утешительных посланий.

Похоже, что изначально такие обычаи всячески поощрял Мартин Лютер (Schilling, 2017). Но Кант поразительным образом отходит от лютеровских христианских оснований для утешения, опиравшихся на догматически-библейские учения, и представляет Иоганна Фридриха фон Функа как своего рода стоика.

В конце этого раздела я хотел бы упомянуть небольшое, но, возможно, важное наблюдение Пауля Менцера. Он отредактировал «Мысли...» для издания Академии. Его примечание гласит: «На титульном листе есть декоративная рамка из черепов» (AA 02, S. 464)⁸. Исходя из этой детали оформления можно с уверенностью предположить, что у издателя было техническое оснащение для регулярной печати утешительных писем. Это обстоятельство, в свою очередь, показывает, что Кант мог выходить за привычные для Кёнигсберга рамки традиций. В этой связи следующим шагом будет рассмотрение вопроса о местном обычае написания утешительных писем.

4. Траурные послания в Кёнигсберге

В качестве примера *pars pro toto*⁹ приведем краткое сообщение Д. Х. Арнольдта о том, что профессор теологии Бернхард фон Занден Старший написал множество посмертных и утешительных писем (Arnoldt, 1746, S. 165). Как уже отмечалось, Лютер, чьи утешительные письма относятся к часто читаемым среди его произведений, безусловно, сыграл ключевую роль в формировании этого стиля (Schilling, 2017, S. 343). Тот факт, что в Кёнигсберге утешительные сочинения получили большее распространение, чем в других местах, возможно,

⁸ Можно увидеть в цифровой копии, упомянутой в примеч. 2.

⁹ Часть вместо целого (лат.).

Das angesprochene Brauchtum scheint zunächst durch Martin Luther sehr befördert worden zu sein (Schilling, 2017). Doch Kant weicht von Luthers christlichen Trostgründen auf der Grundlage dogmatisch-biblischer Lehren in frappierender Weise ab und stellt uns Johann Friedrich als eine Art Stoiker vor.

Am Ende dieses Abschnitts sei noch auf eine kleine, aber vielleicht bedeutsame Beobachtung Paul Menzers eingegangen. Dieser edierte die *Gedanken für die Akademie-Ausgabe*. Sein Hinweis lautet: „Auf dem Titelblatt findet sich eine Zierleiste von Totenschädeln“ (AA 02, S. 464).⁷ Anhand dieses Gestaltungsdetails lässt sich durchaus mutmaßen, dass der Verleger auf die regelmäßige Drucklegung von Trostschriften technisch eingerichtet war. Dieses kleine typographische Detail deutet darauf hin, dass Kant mit der Abfassung einer Trostschrift zunächst einmal auf dem Boden des damals ortsüblichen Brauchtums steht. Ungewöhnlich ist also nicht, dass es eine solche Schrift von Kant gibt; sondern die philosophischen Trostgründe, die er darin entwickelt. Da viele Forscher diese Frühschrift nicht recht einzuordnen wissen, wird in einem nächsten Schritt die damals ortsübliche Praxis erörtert, um zu zeigen, dass sich die Schrift ihrem Anlass und ihrer Form nach ganz in der damals üblichen Trauerkultur verorten lässt.

4. Trauerschriften in Königsberg

Als ein Beispiel *pars pro toto* sei zunächst Daniel Heinrich Arnoldts kleine Mitteilung angeführt, dass der Theologieprofessor Bernhard von Sanden d. Ä. zahlreiche Leich- und Trostschriften abgefasst habe (Arnoldt, 1746, S. 165). Stilvorgebend war dabei sicherlich – wie soeben gesagt – Luther, dessen Trostschriften zu den vielgelesenen unter seinen Werken gehören (Schilling, 2017, S. 343). Dass in Königsberg Trost-

⁷ Einzusehen im Digitalisat, auf das in ‚Fußnote 2‘ verwiesen wurde.

также объясняется влиянием Ф. Меланхтона, который писал свои «Обители утешения» в конце 1746 — 1747 г. в условиях гнетущей и тревожной осады Виттенберга. Это произошло в то время, когда как раз в Кёнигсберге умерла его дочь Анна (Stupperich, 1960, S. 104)¹⁰. Первые пять «Обителей» Меланхтона — это вовсе не христианские упования на утешение, которые можно найти в Катехизисе или Библии, а доводы разума: «Loci philosophici consolationis» («Обители философского утешения», 1547) (Melanchthon, 1839, col. 483–484)¹¹. Как известно, Меланхтон отнюдь не разделял антифилософскую позицию Лютера. Он (ч. II, раздел VII), как и впоследствии Кант, говорит об исцеляющем воздействии античной философии и риторики. Во всех случаях с указанием соответствующих «утешений» перекидывается мостик к «ораторскому искусству».

В этой связи нельзя не упомянуть о небольшом сочинении молодого Иоганна Георга Гамана. В 1752 г. он поручил Хартунгу напечатать «Траурное послание по случаю смерти знатной особы, Катарины Элизабет Рентцен, урожденной Затургус» (Hamann, 1952, S. 35). Только по счастливой случайности сохранились два экземпляра этой редкой публикации, один из них находится в архиве Иоганна Готфрида Гердера (Ibid., S. 465), другой — в мюнстерском собрании Гамана, которое, однако, относится к кёнигсбергским фондам¹². Гердер был родом из Морунгена и учился в Кёнигсберге. Поэтому вполне вероятно, что текст был предназначен для круга читателей из личного окружения автора или родственников покойной.

Семья Рентцен, нуждавшаяся в утешении, состояла в близких дружеских отношениях с семь-

сchriften vielleicht mehr als andernorts etabliert waren, mag zudem Melanchthons Einfluss geschuldet sein, der Ende 1746 und im Jahr 1747 seine *Loci consolationis* unter der drückenden und besorgniserregenden Belagerung Wittenbergs niederschrieb. Das geschah zu einer Zeit, in der zudem seine Tochter Anna in Königsberg verstarb (Stupperich, 1960, S. 104).⁸ Die ersten fünf *loci* Melanchthons schildern keine christlichen Hoffnungsaussichten auf Trost, wie sie dem Katechismus oder der Bibel zu entnehmen sind, sondern Vernunftgründe: „*Loci philosophici consolationis*“ (Melanchthon, 1547, col. 483-484).⁹ Bekanntlich teilte Melanchthon Luthers philosophiefindliche Haltung keineswegs. Ähnlich, wie später noch bei Kant zu beobachten, greift Melanchthon darin das therapeutische Moment antiker Philosophie und Rhetorik auf (vgl. Teil II, Abschnitt VII). Allenthalben ist mit der Angabe von entsprechenden *loci* die Brücke zur *ars rhetorica* geschlagen.

Nicht unerwähnt bleiben darf an dieser Stelle eine kleine Jugendschrift Johann Georg Hamanns. Er lässt 1752 bei Hartung eine *Trauerschrift auf den Tod der Hochedlen Frau, Katharina Elisabeth Rentzen, gebornen Saturgus* drucken (Hamann, 1952, S. 35). Nur durch glückliche Zufälle haben sich zwei Exemplare des seltenen Drucks erhalten, eines im Nachlass Johann Gottfried Herders (ebd., S. 465), eines in der Münsteraner Hamann-Sammlung, die aber auf Königsberger Bestände zurückgeht.¹⁰ Herder stammt aus Mohrungen und studierte in Königsberg. Deshalb ergibt sich auch hier der Fall, dass die Schrift eher für einen Leserkreis aus den persönlichen Umfeldern entweder des Verfassers oder der Verwandten des Verstorbenen bestimmt gewesen sein wird.

¹⁰ Высокообразованная Анна была замужем за Георгом Сабинусом, первым ректором Кёнигсбергского университета. См.: (Jung, 2010, S. 95–98).

¹¹ Понятие «утешение» играет ключевую роль в теологии Меланхтона. См.: (Freudenberg, 2017, S. 180).

¹² Эта другая копия находится в архиве Гильдемайстера: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/pageview/4603187> (дата обращения: 07.09.2023).

⁸ Die hochgebildete Anna war mit Georg Sabinus verheiratet, dem ersten Rektor der Universität Königsberg. Vgl. Jung (2010, S. 95-98).

⁹ Der Begriff des Trostes spielt in Melanchthons Theologie eine tragende Rolle. Vgl. Freudenberg (2017, S. 180).

¹⁰ Diese weitere Kopie findet sich im Nachlass Gildemeisters: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/pageview/4603187> (07.09.2023).

ей Гамана (Hamann, 1955, S. 14, 33, 68, 83, 98, 109). Рассуждения Гамана в значительной степени характеризуются христианскими, но отнюдь не философскими мотивами. Уже здесь очевидны различия во взглядах двух мыслителей: склонность Гамана к религиозной вере и чувству воспринимается как действенный мотив для критики в адрес просвещения (Hirschberger, 1958, S. 245). В отличие от «Мыслей...» Канта, рассуждения Гамана не содержат точной хронологической информации о биографии покойной. Общее в обоих случаях – описание характера умершего человека. Детально описан добродетельный, благородный и самоотверженный образ жизни Катарины, это позволяет и здесь заметить разделение на личностно-биографические и утешительные аспекты. Следующая стилистическая аналогия обнаруживается в цитировании отдельных стихов, что имеет место и в письме Канта. Однако Гаман называет этот текст не письмом, а именно «траурным посланием» (Hamann, 1952, S. 35–38).

В связи с этим сразу возникает дополнительный вопрос: может ли послание (Schrift) скорби или утешения быть также и письмом (Sendschreiben)? В частности, письмо отличается тем, что оно адресовано нескольким лицам (Adelung, 1801, col. 55). На данный вопрос уже был дан утвердительный ответ в предыдущем разделе, поскольку благодаря этому стало возможным участие друзей и родственников, которые находились далеко.

5. Язык и просвещение

Для того чтобы разобраться в социальной функции немецкоязычных текстов в контексте жизненной ситуации Канта, необходимо упомянуть несколько важных предварительных моментов: Канту в его роли приват-доцента открывается доступ в высшие слои общества; это привилегированный доступ, который в иных случаях регламентировался бы строгими правилами. Принадлежность к Альбертине позво-

Die trostbedürftige Familie Rentzen war mit der Familie Hamann eng befreundet (Hamann, 1955, S. 14, 33, 68, 83, 98, 109). Hamanns Ausführungen sind im hohen Maße von christlichen, keineswegs aber von philosophischen Überlegungen geprägt. Hier zeigt sich bereits die divergierende Schwerpunktsetzung beider Denker: Hamanns Zug zum religiösen Glauben und Gefühlsbetonten gilt als ein wirksamer Anstoß zur Kritik der Aufklärung (Hirschberger, 1958, S. 245). Hamanns Ausführungen enthalten im Gegensatz zu Kants Gedanken keine genauen zeitlichen Angaben zur Biografie der Verstorbenen. Gemeinsam ist beiden die Charakterschilderung der verstorbenen Person. Der tugendhafte, wohltätige und selbstlose Lebenswandel von Katharina wird ausführlich gewürdigt, sodass auch hier eine Zweiteilung in persönlich-biografische und tröstende Momente zu beobachten ist. Eine weitere stilistische Analogie zeigt sich in der Zitation einiger Verse, wie sie auch in Kants Sendschreiben erfolgt. Hamann bezeichnet den Text jedoch nicht als Sendschreiben, sondern explizit als Trauerschrift (Hamann, 1952, S. 35-38).

Daraus ergibt sich sogleich eine Nebenfrage: Kann eine Trauer- oder Trostschrift zugleich ein Sendschreiben sein? Ein Sendschreiben zeichnet sich insbesondere dadurch aus, dass es sich an mehrere Personen richtet (Adelung, 1801, col. 55). Diese Frage wurde bereits im letzten Abschnitt bejahend beantwortet, da die Anteilnahme von sich in der Ferne aufhaltenden Freunden und Verwandten so ermöglicht werden konnte.

5. Sprache und Aufklärung

Um die soziale Funktion von deutschsprachigen Texten in Verbindung mit Kants Lebenssituation zu verstehen, sei an wichtige Präliminarien erinnert: In seiner Funktion als Privatdozent erhält Kant Eingang in höhere Gesellschaftsschichten; ein privilegierter Zugang,

лила ему постепенно подняться по социальной лестнице: от студента и домашнего учителя до приват-доцента и в конце концов до ректора, который должен был представлять ученое сословие перед новым монархом Фридрихом Вильгельмом II на церемонии принесения присяги при вступлении на престол (Euler, 1994, S. 67–73).

В условиях постепенного отказа в школах от латинского языка и распространения немецкого языка лекционные аудитории становятся местом встреч представителей различных сословий. В академической среде с течением времени разрушались социальные барьеры: к ней принадлежали неимущие работающие студенты, небогатые стипендиаты, обеспеченные выходцы из буржуазии, аристократы¹³.

Философия просвещения сформулировала, как известно, максимум о равенстве всех людей, вытекающую из классического определения человека как разумного существа. Практическая реализация этого требования равенства, в свою очередь, подразумевала минимальный уровень общего образования и наличие соответствующих языковых средств выражения, процесс трансформации структур социальной власти, начатый Реформацией, который достиг определенной кульминации в эпоху Просвещения. Использование немецкого языка, социальные изменения и просвещение связаны между собой по причине взаимообусловленности.

В Кёнигсберге за все более широкое использование немецкого языка во всех областях в целях просвещения активно выступало Королевское немецкое общество, основанное в 1743 г. Флотвеллом при содействии Готшеда (Wald, 1793). Практическая реализация этой языковой политики заключалась в сочинении и исполнении речей и стихов, среди которых, конечно же, были и траурные или надгробные речи.

¹³ Популяризация философского дискурса и обращение к национальному языку позволили реализовать политико-просветительские цели просвещения: «Популярная философия подразумевает как содержательное, так и формальное отличие от школьной философии, выражающееся в отказе от силлогистического метода и латинского языка» (Kondylis, 2002, S. 485).

der sonst stärkeren Reglementierungen unterworfen gewesen wäre. Seine Zugehörigkeit zur Albertina ermöglichte ihm einen allmählichen sozialen Aufstieg, vom Studenten und Hauslehrer über den Privatdozenten bis hin zum Rektor, der anlässlich der Erbhuldigung den Gelehrtenstand vor dem neuen Monarchen Friedrich Wilhelm II. zu repräsentieren hatte (Euler, 1994, S. 67-73).

Mit dem gleichzeitigen Rückgang der lateinischen Schulsprache und der Ausweitung der deutschen Sprache, konnte der Hörsaal zudem zur Begegnungsstätte zwischen Menschen vieler Stände werden. Soziale Schranken wurden sukzessive auf akademischem Boden abgebaut: arme arbeitende Studenten, arme Stipendiaten, gutsituierte Bürgerssöhne, Adlige.¹¹

Die Aufklärungsphilosophie formulierte bekanntermaßen die Maxime der Gleichheit aller Menschen, hergeleitet aus der klassischen Definition des Menschen als Vernunftwesen. Die praktische Gestaltung dieses Gleichheitsanspruchs setzt wiederum eine Mindestebene gemeinsamer Bildung in Verbindung mit adäquaten sprachlichen Ausdrucksmitteln voraus, ein durch die Reformation eingeleiteter Prozess der Wandlung von gesellschaftlichen Machtstrukturen, der mit dem Zeitalter der Aufklärung einen gewissen Höhepunkt erreicht. Deutscher Sprachgebrauch, sozialer Wandel und Aufklärung gehören zusammen, indem sie sich wechselseitig bedingen.

In Königsberg wurde der zunehmende und in alle Bereiche Eingang findende Gebrauch der deutschen Sprache als Angelegenheit der Aufklärung durch die von Flottwell unter Mithil-

¹¹ Durch Popularisierung des philosophischen Diskurses und Hinwendung zur Landessprache konnten die politischen Bildungsziele der Aufklärung verwirklicht werden: „Mit Populärphilosophie wird sowohl der inhaltliche als auch formale Gegensatz zur Schulphilosophie gemeint, wie er in der Abkehr vom syllogistischen Verfahren und vom Latein zum Ausdruck kommt“ (Kondylis, 2002, S. 485).

Для проекта просвещения было важно, что бы благодаря созданию единых условий у аристократии и буржуазии была возможность вести дискуссии и обмениваться идеями на равных. Это притязание на равенство, покоящееся на фундаменте общей для всех языковой картины, Кант подчеркивает, формулируя вопрос: «Что такое просвещение?», используя при этом крылатое выражение: «Caesar non est supra grammaticos» (AA 08, S. 40; Кант, 2024a, с. 53)¹⁴.

Человеческая смерть побуждала античных философов выдвигать неоднократно повторяемое основание для утешения, о чем пойдет речь во второй части настоящего исследования. Перед лицом смерти все люди равны. Земная слава и богатство неважны после смерти. Сословные различия теряют значение, и в конечном счете устанавливается равенство людей. Можно сказать, что основная политическая задача просвещения негласно присутствует в утешительном тексте. Ведь смерть, согласно предостережению Сенеки, одинаково объявлена каждому человеку с момента его рождения (Seneca, 2008, S. 335). Так, смерть является, как Кант, вероятно, убедился, прочитав о самоубийстве Сенеки, в облике политической *jovi liberatori*¹⁵ (AA 07, S. 99; Кант, 2024b, с. 343). Ведь самоубийство Сенеки было вызвано не в последнюю очередь его политическими неурядицами.

У «управляющего пакгауза Гамана» (AA 10, S. 314)¹⁶, как иронически высказался Кант о своем пресловутом критике, сложилось впечатление, что профессор Кант, возможно, не так уж

¹⁴ Цезарь не выше грамматиков (лат.). См. на эту тему, в частности, размышления Йозефа Симона о Канте и языке: (Simon, 2003).

¹⁵ Избавительница от страданий (лат.), буквально — Юпитер-освободитель.

¹⁶ В 1777 г. Гаман получил должность управляющего пакгаузом. Добавление в письме Канта можно рассматривать как иронию или как обычное именование человека с добавлением названия должности для дальнейшего определения — в конце концов, в Кёнигсберге было несколько Гаманов. Товары поступали на кёнигсбергский пакгауз и временно хранились там. Гаман должен был вести реестр склада и получал ежегодное жалованье в 300 талеров и служебную квартиру. Он занимал эту должность до 1787 г. См.: (Nadler, 1949, S. 273–274).

фе Gottscheds gegründete Königlich Deutsche Gesellschaft im Jahr 1743 nachhaltig begünstigt (Wald, 1793). Die praktische Umsetzung dieser Sprachpolitik bestand etwa im Abfassen und Vortragen von Reden und Gedichten, zu denen freilich auch Trauer- oder Leichenreden gehörten.

Für das Projekt der Aufklärung war es unentbehrlich, dass Aristokratie und Bürgertum durch Schaffung einer gleichberechtigten Ausgangslage auf Augenhöhe miteinander diskutieren und Ideen austauschen konnten. In der Frage: *Was ist Aufklärung?* pointiert Kant diesen Gleichheitsanspruch, der auf dem Fundament einer gemeinsamen Sprachlichkeit ruht, mit Hilfe eines geflügelten Wortes: *Caesar non est supra grammaticos* (WA, AA 08, S. 40).¹²

Der menschliche Tod veranlasste die antiken Philosophen zu einem oft wiederholten Trostgrund, wie im zweiten Teil noch besprochen werden wird. Im Angesicht des Todes ist jeder Mensch gleich. Irdischer Ruhm und Reichtum sinken mit dem Sterben ins Bedeutungslose hinab. Auch Ständeunterschiede sind ohne Bedeutung. Vielmehr ist die Gleichheit der Menschen *in ultimo* durch den Tod erzwungen. In einer Trostschrift, könnte man sagen, wird zugleich ein politisches Grundanliegen der Aufklärung verdeckt tradiert. Denn der Tod, wie Seneca ermahnt, sei jedem Menschen gleichermaßen angekündigt worden, und zwar gleich zu jenem Zeitpunkt, als er zur Welt kam (Fink, 2008, S. 335). So tritt der Tod, wie Kant an anderer Stelle aus der Lektüre über Senecas Selbstmord möglicherweise erkannt hat, als politischer „Befreier (*Jovi liberatori*)“ auf (SF, AA 07, S. 99). Denn Senecas Selbstmord erfolgte nicht nur, aber auch aufgrund seiner politischen Verstrickungen.

¹² „Der Kaiser steht nicht über den Grammatikern“ (Lat.). Vgl. zu diesem Thema insbesondere Josef Simons Reflexionen zu Kant und Sprache (Simon, 2003).

серьезно относится к просвещению. В известной реплике на кантовский вопрос «Что такое просвещение?» он приводит такое сравнение: «Что толку в пышном платье свободы, если дома я сижу в одеянии раба?» (Hamann, 1965, S. 289). И Канту приходилось приспособлять идеалы торжественного облачения просвещения к рабскому одеянию экономических реалий приват-доцента и следить за тем, чтобы его аудитория всегда была заполнена платежеспособными студентами. В этом смысле деятельность каждого писателя в то время основывалась отнюдь не только на идеалистических установках, но и на профанных экономических соображениях.

6. Экономические мотивы Канта?

Что касается текстов программ и сочинений по случаю, в качестве дополнительного мотива в рассуждениях автора следует включить экономический фактор: будучи приват-доцентом, Кант зависел от гонораров, поступавших ему от студентов. А Варда обобщает источники и выстраивает следующую картину экономического положения Канта в то время¹⁷: доход от лекций был мизерным; чтобы не притрагиваться к сэкономленному на случай болезни, Кант постепенно распродал свою библиотеку; у Канта под присмотром находились студенты-аристократы (Хюльзен, Бредерлов) (Warda, 1901, S. 406–407). Молодые дворяне, чьи дети составляли немалую часть студенчества Кёнигсберга (Stark, 1995, S. 57–59, 67–68), а вернее, их родители должны были, как правило, своевременно вносить вдвое большую плату за лекции. Студенты из более бедных слоев населения предлагали профессорам и преподавателям,

¹⁷ С другой стороны, Вернер Штарк недавно (4 августа 2024 г.) в разговоре отметил, что Кант смог заплатить высокую плату в 150 рейхсталеров за получение степени магистра в 1755 г. Источник можно найти здесь: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (дата обращения: 29.08.2024).

Der „Packhoffverwalter Hamann“ (Br, AA 10, S. 314)¹³, wie sich Kant ironisch über seinen notorischen Kritiker äußert, hat den Eindruck gewonnen, dass Professor Kant es mit der Aufklärung vielleicht gar nicht so ernst nehme. In einer bekannten Replik auf Kants *Was ist Aufklärung?* hält er einen Vergleich vor Augen: „Was hilft mir das Feyerkleid der Freyheit, wenn ich daheim im Sclavenkittel?“ (Hamann, 1965, S. 289). – Die Ideale des Feierkleides der Aufklärung musste auch Kant mit dem Sklavenkittel der wirtschaftlichen Realitäten eines Privatdozenten in Einklang bringen und zusehen, dass er seinen Hörsaal mit zahlenden Studenten füllt. Insofern stehen damals hinter jeder Schriftstellertätigkeit keineswegs einzig und allein eine idealistische Haltung, sondern auch profane wirtschaftliche Überlegungen.

6. Wirtschaftliche Überlegungen Kants?

Bei Programm- und Gelegenheitsschriften ist ein wirtschaftlicher Faktor als zusätzliches Motiv des Autors in die Überlegungen miteinzubeziehen: Kant war als Privatdozent zwingend auf das Honorar seiner Studenten angewiesen.¹⁴ Arthur Warda (1901, S. 406-407) fasst die Quellen zusammen und entwirft folgendes Bild von Kants ökonomischer Lage in dieser Zeit¹⁵: Die Einnahmen aus den Vorlesungen waren spärlich;

¹³ Im Jahr 1777 nahm Hamann eine Stelle als Packhoffverwalter an. Der Zusatz in Kants Brief kann einmal ironisch gelesen werden oder als übliche Nennung einer Person, indem man die Berufsbezeichnung zur näheren Bestimmung hinzusetzt – es gab schließlich mehrere Hamanns in Königsberg. In den Königsberger Packhof (Warenlager) kamen Waren und wurden vorübergehend eingelagert. Hamann hatte darüber ein Depotregister zu führen und erhielt dafür 300 Taler Jahresgehalt sowie eine Dienstwohnung. Die Stelle hatte er bis 1787 inne. Vgl. Nadler (1949, S. 273-274).

¹⁴ Fünf Jahre später bewarb sich Kant zusätzlich auf die Stelle eines Subbibliothekars, um seine wirtschaftliche Situation aufzubessern (Benninghoven, 1974, S. 112).

¹⁵ Andererseits hat Werner Stark neulich (04.08.2024) gesprächsweise darauf aufmerksam gemacht, dass Kant 1755 die hohe Gebühr von 150 Reichstalern bei seiner Magisterpromotion bezahlen konnte. Die Quelle findet sich hier: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (Zuletzt aufgerufen am 29.08.2024).

например, книги вместо денег, чтобы восполнить недостающую плату за лекции. Путтлих, впоследствии ставший пастором, вспоминает в дневнике, что он предложил Кристиану Якобу Краусу, коллеге и другу Канта, издание Опица, чтобы погасить долг за посещение лекций. Однако тот отказался, потому что оно у него уже было (Warda, 1905, S. 388). В случае неуплаты Кант часто посылал письма с напоминаниями (Ritzel, 1985, S. 533).

Из сказанного ни в коем случае не следует, что письмо Канта было написано исключительно или преимущественно из экономических соображений. Тем не менее небольшое сочинение давало возможность оставаться темой для разговора в аристократических кругах и приобретать большую известность и достойную репутацию за пределами университета. Тем более что Кант, должно быть, конкурировал по части популярности среди студентов с другими преподавателями того времени, такими как Даниэль Вейман (см.: Круглов, 2018, S. 20).

Поскольку Кант, очевидно, хотел или даже нуждался в том, чтобы завоевать внимание аристократии и богатой буржуазии, 6 июня 1760 г. он через Боровски передал «Мысли...» одной знатной даме и матери: «Если любезнейшие дамы чрезвычайно уважаемого мною дома Шулькайм сочтут этот листок достойным прочтения, это позволит мне составить об этом очень высокое мнение» (AA 10, S. 32)¹⁸, то есть от прочтения ими его утешительного текста Кант почувствует себя польщенным. Эти замечания позволяют сделать вывод, что ради продвижения самого себя философ распространял свои популярные, но при этом высоко-

¹⁸ Имеется в виду, что Кант чувствовал бы себя польщенным, если бы его утешительное письмо было прочтено. Шулькайм — в настоящее время пос. Алтайское. Там жила семья Knobloch. «По рекомендации Канта в 1758 году Боровски стал воспитателем и наставником младших сыновей генерала фон Knobлоха» (Erbkam, 1876, S. 177).

анстелле das Ersparte für den Krankheitsfall anzutasten, verkaufte Kant nach und nach seine Bibliothek; Kant hatte adlige Studenten bei sich unter Aufsicht (von Hülsen, von Brederlow). Von jungen Adligen, oder besser deren Eltern, die einen nicht unbedeutenden Teil der Studentenschaft Königsbergs ausgemacht haben (Stark, 1995, S. 57-59, 67-68), war die rechtzeitige Begleichung des doppelt so hohen Hörgeldes in der Regel zu erwarten. Studenten aus ärmeren Verhältnissen boten den Professoren und Dozenten anstelle des Honorars beispielsweise Bücher zum Ersatz für das ausbleibende Hörgeld an. So erzählt der spätere Pfarrer Puttlich in seinem Tagebuch, dass er, um die Hörgeldschulden zu begleichen, Kants Kollegen und Freund Christian Jakob Kraus eine Opitz-Ausgabe offerierte. Dieser schlug jedoch ab, da er diese bereits besitzen würde (Warda, 1905, S. 388). Kant verschickte bei Zahlungsausfällen oftmals Mahnbriefe (Ritzel, 1985, S. 533).

Mit alledem ist keinesfalls unterstellt, dass das Sendschreiben Kants ausschließlich oder überwiegend aus wirtschaftlichem Kalkül heraus entstanden sei. Dennoch bot die Kleinschrift Gelegenheit, um in adligen Kreisen im Gespräch zu bleiben und sich außerhalb der Universität eine größere Bekanntheit und einen guten Ruf aufzubauen. Allzumal Kant damals mit anderen Dozenten, bekannt ist etwa Daniel Weymann (Krouglov, 2018, S. 20), in Konkurrenz um die Gunst der Studenten gestanden haben muss.

Da Kant offenbar die Aristokratie und die reicheren Bürger für sich einnehmen wollte oder musste, übermittelte er die *Gedanken* am 6. Juni 1760 über Borowski an eine adlige Frau und Mutter: „Wenn die gnädigste Dames des von mir äußerst verehrten Schulkeimschen Hauses dieses Blatt einiger Durchlesung würdig finden solten so wird mir dieses einen sehr hohen Begriff davon beybringen“ (Br, AA 10, S. 32).¹⁶ Aus diesen Bemerkungen ist zu schließen, dass Kant seine populär gehaltene, aber dennoch geistre-

¹⁶ Gemeint ist, dass Kant sich von der Lektüre seiner Trostschrift sehr geehrt fühlen würde. Schulkeim ist heute Алтайское (*Altaiskoje*). Dort lebte die Familie von Knobloch. „Auf Empfehlung Kant's wurde Borowski im Jahre 1758 Hauslehrer und Führer der jüngeren Söhne des Generals von Knobloch“ (Erbkam, 1876, S. 177)

интеллектуальные произведения¹⁹. В конечном счете подобная стратегия распространения публикаций вполне могла способствовать привлечению таких студентов, как два брата фон Функ²⁰. Следует также отметить, что Боровски был активным членом Немецкого общества, о котором уже неоднократно упоминалось (Krause, 1893, S. 104–107). Это подводит нас к следующему разделу.

7. Кант и Королевское немецкое общество

Цель Немецких обществ²¹ заключалась в том, чтобы способствовать поддержанию, стилистическому и грамматическому совершенствованию, стандартизации и распространению немецкого языка. В основном это имело место в то время, когда Кант сам был студентом. Вернер Штарк пишет о молодом Канте: «Хотя на самом деле он не был членом Королевского немецкого общества, основанного в Кёнигсберге в 1743 г., будет правильно — в соответствии с его деятельностью — отнести его к числу этих молодых ученых²²» (Stark, 2023, S. 50–51). И, как будет показано ниже в контексте предположения Штарка, написание траурного письма следует рассматривать «в соответствии с его деятельностью».

¹⁹ В среде Немецких обществ женщины на равных правах должны были получать желаемый и открытый доступ к философскому и филологическому образованию и обмену научными знаниями (Erb, 2023, S. 284–293; Döring, 2002, S. VII, 145–147; Krause, 1893, S. 93–95).

²⁰ В качестве иллюстрации: список записавшихся к Канту в 1772 г. находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке и доступен онлайн: <https://digitalcollections.nyu.org/items/8bc37932-6b74-868a-e040-e00a18063754> (дата обращения: 08.09.2023). Среди них пять студентов из числа дворян: д'Анреп, братья Хорновские из России, Брандт и Толкимит. После каждого из этих имен Кант пишет сокращение «ddt.», что означает *dedit* (лат. «он заплатил»).

²¹ О Немецких обществах см. монографии Дёринга (Döring, 2002) и Эрба (Erb, 2023).

²² Упоминание Штарком «этих молодых ученых» относится к многочисленным студентам и молодым выпускникам университетов, которые были членами Королевского немецкого общества.

иче Schrift zur Eigenwerbung weitergereicht hat.¹⁷ In letzter Konsequenz kann eine solche Publikationsstrategie zur Gewinnung von Studenten wie der beiden Brüder von Funk beigetragen haben.¹⁸ — Zu erwähnen bleibt noch, dass Borowski ein engagiertes Mitglied jener *Deutschen Gesellschaft* war (Krause, 1893, S. 104-107). Dies leitet zum nächsten Abschnitt über.

7. Kant und die Königliche Deutsche Gesellschaft

Ausgesprochene Zielsetzung der *Deutschen Gesellschaften*¹⁹ war, die Pflege, die stilistische und grammatikalische Verbesserung, die Vereinheitlichung und die Verbreitung der deutschen Sprache zu befördern. Dies geschah vorwiegend zu einer Zeit, als Kant selbst Student war. Werner Stark äußert über den jungen Kant: „So zutreffend es ist, dass er nicht zu den Mitgliedern einer 1743 in Königsberg gegründeten *Königlich Deutschen Gesellschaft* gehörte, so richtig ist es, ihn — seinem Verhalten gemäß — diesen jungen Akademikern²⁰ zuzurechnen“ (Stark, 2023, S. 50-51). Und, wie sogleich im Sinne von Starks Vermutung gezeigt werden wird, ist die Abfassung einer Trauerschrift als diesem „Verhalten gemäß“ einzustufen.

¹⁷ Im Umkreis der Deutschen Gesellschaften sollten Frauen gewünschten und explizit Zugang zu philosophischer und sprachwissenschaftlicher Bildung und wissenschaftlichem Austausch auf Augenhöhe erhalten (Erb, 2023, S. 284-293; Döring, 2002, S. VII, 145-147; Krause, 1893, S. 93-95).

¹⁸ Zur Veranschaulichung: Eine Subskribentenliste Kants aus dem Jahr 1772 findet sich in der *New York Public Library* und ist online abrufbar: <https://digitalcollections.nyu.org/items/8bc37932-6b74-868a-e040-e00a18063754> (08.09.2023). Darunter sind fünf adlige Studenten: d'Ahnrep, die russischen Brüder de Hornowsky, de Brandt und de Thollkimit. Hinter jedem dieser Namen schreibt Kant das Kürzel *ddt.* für „er hat bezahlt“ (*dedit*).

¹⁹ Vgl. zu den sogenannten *Deutschen Gesellschaften* die beiden Monographien von Döring (2002) und Erb (2023).

²⁰ Starks Hinweis auf „diese jungen Akademiker“ bezieht sich auf die zahlreichen Studenten und jungen Universitätsabsolventen, die Mitglieder in der *Königlich Deutschen Gesellschaft* waren.

Самуэль Готлиб Вальд первым изложил историю Королевского немецкого общества в Кёнигсберге: «М. Кёлестин Кристиан Флотвелл вместе с несколькими учениками занимался улучшением немецкого письменного языка и содействовал развитию немецкого ораторского искусства и поэзии» (Wald, 1793, S. 8)²³. В этом кратком перечислении изложен главный мотив Общества, основанного в 1743 г. при поддержке Готшеда (Gottsched, 2015, S. 219). Среди лиц, с которыми Кант тесно общался, были, например, такие члены Немецкого общества, как Иоганн Готфрид Линднер, Георг Кристоф Пизанский, Людвиг фон Бачко, упомянутый выше Людвиг Эрнст Боровски, который планировал читать биографию Канта в качестве лекции для Немецкого общества (Боровски, 2024, с. 49–50), Иоганн Готфрид Хассе, Кристоф Фридрих Гейльсберг, Иоганн Даниэль Мецгер, апологет Канта Иоганн Шульц и издатель его географии Фридрих Теодор Ринк (Wald, 1793, S. 21–28). Таким образом, Немецкое общество объединило социально разнородную, просвещенную группу людей, в числе которых были пасторы, учителя, государственные служащие, коммерсанты, независимые ученые, преподаватели университетов, студенты и аристократы (Otto, 2018, S. 22). Согласно уставу, Немецкое общество служило особой цели – наряду с развитием немецкого языка содействовать онемечиванию философии. Чтобы добиться поставленной цели, работы членов общества обсуждали, рецензировали, зачитывали как доклады и в отдельных случаях награждали призами (Wald, 1793, S. 38).

Важность влияния Готшеда на процесс совершенствования языка можно проиллюстрировать на примере перевода Гамана работы «За-

²³ Также известны «Памятная речь, посвященная Канту», которую Вальд произнес в 1804 г. (Wald, 1974), и его две речи о Канте, прочитанные в день рождения короля и в день памяти Шиммельпфеннинга (Stark, 2004). Р. Брандт и В. Штарк во введении к кантовским «Лекциям по антропологии» также отмечают, что для Канта были важны правила правописания, установленные при участии Немецкого общества Кёнигсберга. См.: (AA 25, S. CXVII–CXVIII).

Samuel Gottlieb Wald schildert erstmals die Geschichte der *Königlich Deutschen Gesellschaft in Königsberg*: „M. Cölestin Christian Flottwell verband sich mit einigen Studirenden zur Verbesserung der Deutschen Schreibart und Beförderung der Deutschen Beredsamkeit und Dichtkunst“ (Wald, 1793, S. 8).²¹ Mit dieser kurzen Aufzählung sind die Hauptmotive der 1743 unter Gottscheds Auspizien gegründeten Gesellschaft dargelegt (Gottsched, 2015, S. 219). Von den Männern, mit denen Kant näheren Umgang pflegte, waren beispielsweise Mitglieder: Johann Gottfried Lindner, Georg Christoph Pisanski, Ludwig von Baczko, der bereits genannte Ludwig Ernst Borowski – dessen Biographie Kants als Vorlesung für die *Deutsche Gesellschaft* geplant war (Borowski, 1804, S. 2) –, Johann Gottfried Hasse, Christoph Friedrich Heilsberg, Johann Daniel Metzger, Kants Apologet Johann Schultz oder der Herausgeber seiner *Geographie*, Friedrich Theodor Rink (Wald, 1793, S. 21–28). Der Verein versammelte also einen gesellschaftlich breitgestreuten, gebildeten Personenkreis, der Pfarrer, Lehrer, Beamte, Geschäftsleute, Privatgelehrte, Universitätsdozenten, Studenten und Aristokraten zusammenbrachte (Otto, 2018, S. 22). Laut Statuten verfolge die *Deutsche Gesellschaft* ganz besonders den Zweck, neben der deutschen Sprache die Verdeutschung der Philosophie voranzutreiben. Um die gestellte Zielsetzung zu erreichen, wurden Arbeiten von Mitgliedern besprochen, rezensiert, vorgetragen und gelegentlich preisgekrönt (Wald, 1793, S. 38).

Wie bedeutend Gottscheds tonangebender Einfluss auf die Sprachpflege war, veranschaulicht ein Vorgang um Hamanns Übersetzung

²¹ Berühmt sind zudem Walds *Gedächtnißrede auf Kant* aus dem Jahr 1804 (Wald, 1974) und seine beiden Kant-Reden zum Geburtstag des Königs sowie zum Schimmelpfenning-Gedächtnis (Stark, 2004). Dass die von der Deutschen Gesellschaft in Königsberg mitbestimmten Regeln für Rechtsschreibung auch für Kant wichtig waren, darauf weisen ferner R. Brandt und W. Stark in der Einleitung zu Kants *Vorlesungen über Anthropologie* hin (vgl. AA 25, S. CXVII–CXVIII).

метки господина Дангейла о преимуществах и недостатках Франции и Великобритании в отношении торговли и других источников могущества государств. Отрывок из сочинения о восстановлении мануфактур и торговли в Испании. Приложение немецкого переводчика» (Кёнигсберг, 1756). Гаман отправил рукопись своему брату, чтобы тот перед печатью откорректировал ее в соответствии с «Грамматикой» Готшеда (Nadler, 1949, S. 64). В мае 1749 г. Флотвелл послал Готшеду экземпляры нравоучительного еженедельника «Дафна», для которого в числе прочих писали молодые кёнигсбергские литераторы Гаман и Линднер (Gottsched, 2020, S. 391).

Для того чтобы понять, насколько важно было придать значение немецкому языку, необходимо вспомнить, что ученые того времени почти не говорили и не писали по-немецки, предпочитая французский язык. Французский тон задавало то обстоятельство, что король Пруссии Фридрих Великий пригласил в Потсдам и Берлин ученых из Франции, среди которых были Вольтер, де Ла Меттри, Формей и Мопертюи (см.: Harnack, 1901, S. 185–360). Академия в Берлине, президентом которой был Мопертюи, рассматривала себя как франкоязычное учреждение, созданное по образцу парижской Академии наук. Только благодаря усилиям министра фон Херцберга произошел решительный поворот в сторону немецкого языка (Ibid., S. 361–478). Приятельница Канта, графиня Кайзерлингк (Wolff, 1895, S. 49), переписывалась с Готшедом на французском языке²⁴. На нем же Лейбниц написал свою «Теодицею»; впоследствии Готшед опубликовал ее чрезвычайно удачный немецкий перевод, отредактированный и прокомментированный им самим. Для проекта просвещения, как уже говорилось выше, необходимо было создать общую прагматическую языковую основу.

²⁴ О возможных биографических сходствах у Канта и Готшеда см.: (Walter, 2023, S. 570–572; Hüttner, Walter, 2023, S. 15–33).

Des Herrn von Danguel Anmerkungen über die Vortheile und Nachtheile von Frankreich und Großbritannien in Ansehung des Handels und der übrigen Quellen von der Macht der Staaten. Auszug eines Werks über die Wiederherstellung der Manufacturen und des Handels in Spanien. Beylage des deutschen Uebersetzers (Königsberg, 1756). Hamann übersandte das Manuskript an seinen Bruder, der es vor der Drucklegung nach Gottscheds *Grammatik* korrigieren sollte (Nadler, 1949, S. 64). Exemplare der moralischen Wochenschrift *Daphne*, an der u.a. die jungen Königsberger Hamann und Lindner mitgearbeitet hatten, übersendet Flottwell im Mai 1749 an Gottsched (Gottsched, 2020, S. 391).

Um den ausgesprochenen Akzent und Wert, die auf die deutsche Sprache gelegt wurden, einordnen zu können, gilt es zu bedenken, dass damalige Gelehrte kaum Deutsch, sondern vorzugsweise Französisch sprachen und schrieben. Preußens König Friedrich der Große hatte Gelehrte aus Frankreich nach Potsdam und Berlin eingeladen und damit den französischen Ton vorgegeben. Zu nennen sind Männer wie Voltaire, de La Mettrie, Formey oder Maupertuis (vgl. Harnack, 1901, S. 185–360). Die Akademie in Berlin verstand sich mit ihrem Präsidenten Maupertuis als französischsprachende Institution nach dem Pariser Vorbild der *Académie des Sciences*. Erst Minister von Herzbergs Bestrebungen ist eine entschiedene Hinwendung zur deutschen Sprache zu verdanken (ebd., S. 361–478). Kants Freundin, die Gräfin Keyserlingk (Wolff, 1895, S. 49), korrespondierte mit Gottsched auf Französisch.²² Leibniz schrieb seine *Theodicée* in dieser Sprache; Gottsched gab dann eine überaus erfolgreiche, von ihm redigierte und kommentierte deutsche Fassung heraus. Für das Projekt der Aufklärung war, wie oben bereits erörtert, notwendig, ein gemeinsames und pragmatisches Sprachfundament aufzubauen.

²² Für mögliche biografische Nähen von Kant und Gottsched, vgl. Walter (2023, S. 570–572), Hüttner und Walter (2023, S. 15–33).

Не вызывает сомнений, согласно упомянутому выше замечанию Штарка, что сам Кант не был членом Немецкого общества (Krause, 1893, S. 117). Однако причины этого неизвестны. Тем не менее можно кратко осветить этот вопрос: вполне правдоподобное объяснение заключается в том, что членство Канта могло не состояться из-за взноса, который он не смог сделать. Как утверждает в монографии Г. Краузе, вступительный взнос в общество составлял три дуката. Кроме того, в библиотеку общества должна была быть передана книга на немецком языке стоимостью не менее «одной серебряной монеты номиналом девять талеров» (Ibid., S. 100). Уже упомянутое ранее исследование Варды о финансовых возможностях Канта свидетельствует о том, что в студенческие годы ему приходилось жить крайне экономно (Warda, 1901, S. 400–404).

К тому времени, когда ситуация для Канта несколько улучшилась, умирает Флотвелл (в 1758 г.). К тому же деятельность общества была практически прекращена с 1758 до 1762 г. в связи с русской оккупацией. Многие его члены «уехали в Германию», и «русский губернатор даже отобрал у них зал для собраний (конференц-зал в Кёнигсбергском замке. — М.В.), а их библиотеку внезапно пришлось вывозить в первые дни Рождества» (Wald, 1793, S. 16). Общество возобновило свою работу только в январе 1766 г. (Ibid., S. 17). Все упомянутые выше внешние стечения обстоятельств и препятствия вполне объясняют, почему Кант не был членом общества, но тем не менее мог разделять его цели и идейно находиться под влиянием его программы.

Второй причиной могли быть личные отношения между друзьями Готшеда в Кёнигсберге: если Кант, как иногда предполагают, в студенческие годы был особенно близок с Мартином Кнутценом (Waschkies, 1987, S. 34–45), то разногласия между Флотвеллом и Кнутценом могли привести к тому, что Гаман и Кант держались

Dass Kant selbst, wie Stark oben bemerkt, kein Mitglied der *Deutschen Gesellschaft* war (Krause, 1893, S. 117), ist sicher. Indes sind die Gründe hierfür unbekannt. Dennoch sei die Frage kurz erörtert: Möchte man eine plausible Erklärung liefern, so könnte Kants Eintritt am Mitgliedsbeitrag gescheitert sein, den er vielleicht nicht entrichten konnte. Der Monographie von Gottlieb Krause ist zu entnehmen, dass das Eintrittsgeld in die Gesellschaft drei Dukaten betragen habe. Zudem musste ein deutschsprachiges Buch, das wenigstens einen „Speciesthaler wert sei“, an die Bibliothek der Gesellschaft gespendet werden (ebd., S. 100). Wardas bereits zitierte Untersuchung der wirtschaftlichen Verhältnisse Kants legt nahe, dass er als Student äußerst sparsam leben musste (Warda, 1901, S. 400-404).

Als Kants Situation sich allmählich gebessert hatte, stirbt Flottwell im Jahr 1758. Hinzu kommt, dass in den Jahren von 1758 bis 1762 die Aktivität der Gesellschaft durch die russische Besatzung unterbrochen wurde. Viele Mitglieder gingen nach Deutschland und, „[d]er Rußische Gouverneur nahm ihr sogar ihre Sessionsstube [Tagungsraum im Königsberger Schloss; Anm. M.W.], und ihre Bibliothek mußte am ersten Weihnachtstage plötzlich weggebracht werden“ (Wald, 1793, S. 16). Erst im Januar 1766 wurde der Verein wiedereröffnet (ebd., S. 17). All die angeführten äußeren Zufälle und Widrigkeiten machen erklärlich, warum Kant der Gesellschaft nicht angehört hat, aber dennoch ihre Ziele geteilt haben kann oder von ihrem Programm ideell beeinflusst war.

Ein zweiter Grund könnte in persönlichen Händeln zwischen Gottscheds Königsberger Freunden untereinander zu suchen sein: Wenn Kant, wie gelegentlich angenommen wird, in seiner Studienzeit mit Martin Knutzen besonders verbunden war (Waschkies, 1987, S. 34-45), so könnte die Verstimmung zwischen Flottwell und Knutzen dafür gesorgt haben, dass Hamann und Kant ‚taktischen‘ Abstand von

на «тактическом» расстоянии от Немецкого общества. Согласно Рюдигеру Отто, Флотвелл и Кнутцен испытывали «взаимную неприязнь» друг к другу (Otto, 2018, S. 26). Не исключено, что оба студента к тому же были более активны в «физикотеологическом» сообществе, сложившемся вокруг Кнутцена и ориентированном на естественные науки (Waschkies, 1987, S. 46–74)²⁵. Данное объяснение подтверждает и циничный комментарий Флотвелла к магистерской диссертации Канта «Физическая монадология» (AA 01, S. 743–788), который одновременно выражал колкость по отношению к Кнутцену. Двадцатого апреля 1756 г. Флотвелл сообщал Готшеду о защите Кантом диссертации: «...теперь вся философия превращается в восковой нос. Один молодой магистр (Кант. — М.В.) уже доказал, что существует *simplex compositium*²⁶, не имеющее, однако, частей» (Krause, 1893, S. 47). Этот намек на пресловутый «восковой нос» означает, что Кант занимался изворотливой софистикой, не имевшей под собой никакой фактической основы. О «восковом носе» в данном контексте говорится потому, что воску можно придать какую угодно форму (Adelung, 1801, col. 1325–1326).

Духовный наставник всего предприятия и инициатор повсеместного объединения Немецких обществ Иоганн Кристоф Готшед поначалу вел дружескую переписку с обоими профессорами, Кнутценом и Флотвеллом. Кнутцен был согласен с Готшедом в вопросах *influxus physicus*²⁷ (Hüttner, Walter, 2023,

der *Deutschen Gesellschaft* hielten. Flottwell und Knutzen wären miteinander, so Rüdiger Otto, „in wechselseitiger Abneigung verbunden“ gewesen (Otto, 2018, S. 26). Die beiden Studenten waren zudem möglicherweise stärker in dem naturwissenschaftlich orientierten „physikotheologischen“ Zirkel um Knutzen aktiv (Waschkies, 1987, S. 46-74).²³ Für diese Erklärung spricht ferner Flottwells zynische Bemerkung gegenüber Kants Magisterpromotion *Monadologia physica* (AA 01, S. 743-788), die dann zugleich eine Spitze gegen Knutzen wäre. Über Kants Disputation berichtet Flottwell am 20. April 1756 an Gottsched, dass „nun mehr aus der ganzen Philosophie eine wächserne Nase gemacht wird. Ein junger Magister [Immanuel Kant – M.W.] hat schon bewiesen, daß ein *simplex compositium* sey, aber keine Theile habe“ (Krause, 1893, S. 47). Mit der Anspielung auf die sprichwörtliche ‚Wachsnase‘ wird unterstellt, dass Kant eine verfängliche Sophistik betreibe, die jedweder Tatsachengrundlage entbehre. Von einer Wachsnase spricht man in diesem Zusammenhang deshalb, weil sich Wachs beliebig verformen lässt (Adelung, 1801, col. 1325-1326).

Der *spiritus rector* des Unternehmens und der vorantreibende Vernetzer von Deutschen Gesellschaften allerorts, Johann Christoph Gottsched, korrespondierte zunächst freundschaftlich mit beiden Professoren, Knutzen und Flottwell. Knutzen war in Sachen *influxus physicus*²⁴ auf Gottscheds Linie (Hüttner

²⁵ Против участия Канта приводит аргументы Штарк, см. его введение к кантовским «Лекциям по физической географии» (AA 26.1, S. XXI).

²⁶ Простое соединение (лат.).

²⁷ *Influxus physicus* — это технический термин, обозначающий теорию «физического влияния». Это одна из трех гипотез о единстве души и тела, обсуждавшихся в то время. Если Вольф и большинство его последователей выступали за предустановленную гармонию Лейбница, то Готшед и Кнутцен придерживались аристотелевской гипотезы реального взаимодействия между телом и душой. Третий вариант — окказионализм, восходивший к Малебраншу и пропагандировавший божественную помощь во взаи-

²³ Gegen Kants Teilnahme argumentiert Stark, vgl. seine Einleitung zu Kants *Vorlesungen über Physische Geographie*, AA 26.1, S. XXI.

²⁴ *Influxus physicus* ist der Fachausdruck für die Theorie des ‚physikalischen Einflusses‘. Es handelt sich um eine der drei damals diskutierten Hypothesen für die Gemeinschaft von Leib und Seele. Während Wolff und die meisten seiner Anhänger sich für die prästabilisierte Harmonie nach Leibniz aussprachen, hielten Gottsched und Knutzen an der aristotelischen Hypothese einer realen Wechselwirkung zwischen Leib und Seele fest. Eine dritte Option ist der auf Malebranche zurückgehende Okkasionalismus, der eine göttliche Assistenz beim Zusammenspiel von Leib und Seele propagiert. In der ersten Auflage der *Kritik der reinen Vernunft* hat Kant die

S. 98–105). Флотвелл, в свою очередь, выступает в роли неутомимого пропагандиста языкового проекта Готшеда. Можно предположить, что общность взглядов молодых ученых Кёнигсберга на использование немецкого языка как эффективного средства высказывания для философии и на его внедрение в практику с помощью учебников Готшеда соответствовала духу времени при всем различии интересов, а также при всех личных разногласиях и конфликтах²⁸; это подтверждается и всеми ранними работами Канта, которые были написаны на немецком языке и до 1755 г. не имели никакого отношения к университету (если не считать обязательной цензуры). Лишь академические квалификационные работы были написаны им на латинском языке.

В Немецком обществе Кёнигсберга книги Готшеда «Критическое стихосложение» и «Подробная риторика» считались «евангелиями этого союза приверженцев немецкого языка» (Krause, 1893, S. 16). Такое отношение к ним не могло не отразиться на языковом развитии Канта. В этом смысле, когда речь идет об использовании Кантом термина «критика», Манфред Баум отмечает концептуально-историческое заимствование у Готшеда (Baum, 2019, S. 86–89).

8. Утешительное письмо в определении Готшеда

С учетом всего сказанного можно предположить, что Кант, вполне вероятно, был знаком с содержанием «Подробной риторики» Готше-

действия тела и души. В первом издании «Критики чистого разума» Кант завершает дискуссию, начав со следующего пункта: «Три обычные придуманные по этому поводу и в самом деле единственно возможные системы таковы: системы физического влияния, предустановленной гармонии и сверхъестественного содействия» (A 390; Кант, 2006, с. 487).

²⁸ О том, что учебники Готшеда для изучения языка в 1760 г. были критически восприняты в кантовском окружении, свидетельствуют и комментарии в письме Гамана к Линднеру (Hamann, 1956, S. 61–67).

und Walter, 2023, S. 98-105). Wiederum Flottwell tritt als unermüdlicher Propagator von Gottscheds Sprachprojekt auf. Eine gemeinsame Grundüberzeugung junger Akademiker in Königsberg bezüglich der Verwendung der deutschen Sprache als probates Ausdrucksmittel der Weltweisheit und deren Verbreitung unter Zuhilfenahme der Lehrbücher Gottscheds darf daher trotz jeweils andersgelagerter Interessenschwerpunkte und trotz persönlicher Differenzen und Konflikte wohl als im Zeitgeist liegend unterstellt werden;²⁵ dafür sprechen weiterhin Kants allesamt auf deutsch verfassten Frühschriften, die bis 1755 noch nichts mit der Universität (außer der obligatorischen Zensur) zu tun hatten. Erst die akademischen Qualifikationsschriften hat er dann in lateinischer Sprache verfasst.

In Königsbergs *Deutscher Gesellschaft* galten Gottscheds *Critische Dichtkunst* und *Ausführliche Redekunst* als die „Evangelien dieses deutschübenden Vereins“ (Krause, 1893, S. 16). Das wird nicht spurlos an Kants sprachlicher Entwicklung vorbeigegangen sein. In diesem Sinne, hinsichtlich Kants Verwendung von „Kritik“, weist übrigens bereits Manfred Baum (1990, S. 86-89) auf die begriffsgeschichtlichen Anleihen bei Gottsched hin.

8. Gottscheds Definition einer Trostschrift

Dass Kant mit dem Inhalt von Gottscheds *Ausführlicher Redekunst* vertraut war, darf nach dem Gesagten als sehr wahrscheinlich angenommen werden. Dies legt eine weitere Themen-

Diskussion beendet, beginnend an folgender Stelle: „Die gewöhnliche drei hierüber erdachte und wirklich einzig mögliche Systeme sind die, des *physischen Einflusses*, der *vorher bestimmten Harmonie* und der *übernatürlichen Assistenz*“ (KrV, A 390).

²⁵ Dass Gottscheds Lehrbücher über Sprache 1760 im Umkreis Kants kritisch rezipiert wurden, beweisen ferner Bemerkungen in einem Brief Hamanns an Lindner (Hamann, 1956, S. 61-67).

да. Это позволяет обнаружить еще одно тематическое совпадение, о котором можно судить по одному источнику о ранних работах Канта: Вернер Эйлер обнаружил свидетельство Канта, относящееся к 1758 г. Из документа следует, что Кант читал лекции о римском стиле, то есть о стилистике латинского языка. Кант сообщал, что «студент свободных искусств, который был вверен мне для научного руководства... принимал участие в моих частных семинарах по римскому стилю» (Euler, 2000, S. 140). «Подробная риторика» Готшеда имеет соответствующий подзаголовок: «По наставлениям греков и римлян» (Gottsched, 1975a). Таким образом, два мотива могли побудить Канта обратиться к учебнику Готшеда: во-первых, дидактический интерес, который сопутствовал его активной преподавательской деятельности, и, во-вторых, желание почерпнуть советы или рекомендации для своей собственной письменной практики.

Предыдущие замечания указывают, таким образом, на необходимость сравнительного исследования «Риторики» Готшеда. И действительно, для «Мыслей...» Канта есть идеальный теоретический образец определения утешительного письма. В восьмом разделе вышеупомянутой «Риторики» Готшед рассматривает проповеди, высказывания о частных лицах и утешения: «Ораторские речи», которые были «распространены во многих местах и от которых не стоит отказываться» (Gottsched, 1975b, S. 292). Параграф, в котором дается объяснение утешительному письму, содержит следующее определение:

Что же касается утешительных сочинений, которые легко можно отнести к этой главе, то... хочется лишь в какой-то мере поднять дух скорбящих близких с помощью всевозможных добрых размышлений. ...чтобы их посылали близким в случае смерти и печатали вместо похоронных стихов, выражая свое сочувствие. ...примеры этого мы находим у древних. Цицерон писал такие письма-утешения по поводу смерти своей Туллиолы, Плутарх — жене

überschneidung nahe, die sich aus einer Quelle zu Kants früher Lehre erschließen lässt. Werner Euler hat ein Zeugnis Kants aus dem Jahr 1758 entdeckt. Dem Dokument ist zu entnehmen, dass Kant ein Kolleg über römischen Stil hielt, d.h. über Stilistik der lateinischen Sprache. Kant attestierte, dass der „Student der freien Künste, der mir zur akademischen Anleitung anvertraut worden ist, [...] an meinem Privatkollegium über Römischen Stil teilgenommen“ habe (Euler, 2000, S. 140). Gottscheds *Ausführliche Redekunst* führt den passenden Untertitel: „nach Anleitung der Griechen und Römer“ (Gottsched, 1975a). Zwei Motive könnten Kant somit zum Blick in Gottscheds Lehrbuch verleitet haben: zum einen ein fachlich-didaktisches Interesse, das mit seiner aktiven Lehrtätigkeit einherging, und, um Hilfestellungen oder Anregungen für die eigene Schreibpraxis zu erhalten.

Die bisherigen Ausführungen legen also besonders nahe, einen vergleichenden Blick in Gottscheds *Redekunst* zu werfen. Und tatsächlich: Zu den *Gedanken* Kants findet sich das passende theoretische Gegenstück der Definition einer Trostschrift. Im achten Hauptstück der besagten *Redekunst* handelt Gottsched von Standreden, Personalien und Trostschriften: „[O]ratorische Vorträge“, die „in vielen Orten üblich, und nicht zu verwerfen“ seien (Gottsched, 1975b, S. 292). Der Paragraph, in dem die Trostschrift erklärt wird, enthält folgende Definition:

Was nun endlich die Trostschriften betrifft, die in dieses Capitel füglich gezählet werden können; [...] man will nur durch allerley gute Betrachtungen, das Gemüth der bekümmerten Hinterbliebenen einigermaßen aufrichten. [...] daß man sie bey Todesfällen an die Leidtragenden ergehen, und an statt eines Leichengedichtes drucken läßt, ihnen sein Mitleiden zu bezeigen. [...] finden wir Exempel bey den Alten. Cicero hat über den Tod seiner Tulliola, Plutarchus gleichfalls an seine Gattin über den Verlust seines kleinen Töchterchens, und

по поводу утраты маленькой дочери, а Сенека — не только своей матери Гельвидии, но и несколькими другими лицами. ... другое, однако, несколько свободнее и непринужденнее: здесь каждый сохраняет свободу говорить много или мало, в том или ином порядке. Но тот, кто желает знать, где ему искать основания для утешения, чтобы поддержать скорбящего, может, помимо вышеупомянутых авторов, обратиться к Боэцию, к книге об утешении философией... и другим подобным книгам, в которых говорится о стойкости в невзгодах (Ibid., S. 295).

Еще одним важным элементом утешительного письма является, согласно следующему параграфу, «описание жизни» умершего (Ibid., S. 296).

Все перечисленные Готшедом характеристики утешительных писем применимы к «Мыслям...» Канта: автор отдает в печать утешительное письмо и отправляет его близким покойного; речь идет о размышлениях, призванных поднять дух страдающих людей; о «размышлениях» пишет и Кант (AA 02, S. 42; Кант, 1994б, с. 16); в самом широком смысле речь идет об основаниях для утешения, при выборе которых можно опираться на античных авторов и — если именно таким образом понимать ссылки на Цицерона, Сенеку и Боэция — следовать философским размышлениям этих римских писателей. Вспомним еще раз о близости с философскими «Обителями» Меланхтона (Melanchthon, 1547, col. 483–484). Кант также следует совету Готшеда, упоминая Лукреция Каруса и Теренция. В целом все творчество Канта дышит духом стоиков.

Кант включает описание жизни молодого Функа в общие философские размышления об основаниях для утешения (AA 02, S. 41–44; Кант, 1994б, с. 16–18). Упомянутая черта его характера — «мягк[ий] и спокойн[ый] нрав» (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21) — убедительно свидетельствует о духе стоиков в «Мыслях...», о котором написано выше. Трудно удержаться, чтобы не признать в часто цитируемом Кантом

Seneca theils an seiner Mutter Helvidia, theils an ein paar andre Personen solche Trostschriften abgefasst. [...] die andre aber etwas freyer und ungezwungener ist: indem ein jeder dasselbst seine Freyheit behält, viel oder wenig, in dieser oder jener Ordnung, zu sagen. Wer aber wissen will, wo er die Trostgründe hernehmen soll, einen Betrübten aufzurichten, der kann, außer den oben angegebenen Scribenten, noch den Boethius, vom Tröste der Weisheit, [...] nebst andern solchen Büchern nachschlagen, die von der Standhaftigkeit im Unglücke handeln (ebd., S. 295).

Ein weiterer essentieller Bestandteil der Trostschrift ist, wie im Folgeparagrafen ergänzt wird, die „Lebensbeschreibung“ des Verstorbenen (ebd., S. 296).

Alle von Gottsched genannten Merkmale von Trostschriften treffen auf Kants *Gedanken* zu: Man lässt die Trostschrift drucken und sendet sie an die Hinterbliebenen; es geht um Betrachtungen, die das Gemüt der Bekümmerten aufrichten sollen; von „Betrachtungen“ spricht auch Kant (GAJFF, AA 02, S. 42); im weitesten Sinne wird auf Trostgründe hingewiesen, bei deren Auswahl man sich mit antiken Autoren behelfen kann und — wenn man die Verweise auf Cicero, Seneca und Boethius so verstehen möchte — dabei den philosophischen Betrachtungen dieser römischen Schriftsteller folgt. Erinnerung sei hier nochmals auf die Verwandtschaft mit Melanchthons philosophischen *loci* (Melanchthon, 1547, col. 483–484). Auch diesem Ratschlag Gottscheds folgt Kant mit Verweisen auf Lucretius Carus und Terentius. Überhaupt atmet die ganze Schrift Kants stoischen Geist.

In die allgemeinen philosophischen Betrachtungen der Trostgründe arbeitet Kant die Lebensbeschreibung des jungen Funk ein (GAJFF, AA 02, S. 41–44). Seine genannte Charaktereigenschaft einer „gelassenen Gemüthsart“ (ebd., S. 43) gibt dabei einen entscheidenden Hinweis auf den soeben unterstellten stoischen Geist der

жизненном девизе стоиков *Sustine et abstinence*²⁹ опорную идею этого сочинения (AA 07, S. 100; Кант, 2024, с. 345)³⁰.

Разделение на размышление и жизнеописание, отмеченное Розефельдом (Rosefeldt, 2015), тоже было предписано «Риторикой» Готшеда. При этом Готшед и Кант следуют римской (утешительной) эпистолярной литературе, самым известным примером которой, вероятно, является «Утешение к Марции и другим» Сенеки (см. вторую часть настоящего исследования).

Утешительные письма «распространены во многих местах», особенно в Кёнигсберге. Готшед, который всегда подбирает для своих теоретических положений подходящие примеры, помещает в конец основного раздела «биографию» жены Кристиана Генриха Гюттера (1696–1755) (Gottsched, 1975b, S. 296–307)³¹. То обстоятельство, что этот текст («биография») Гюттера был напечатан Готшедом, следует подчеркнуть особо, ведь Гюттер был профессором красноречия (риторики) в Альбертине в те времена, когда там учился Кант, читал лекции по учебникам Готшеда и вел с ним оживленную переписку (Hüttner, Walter, 2023, S. 43).

Если говорить о распространении образцовых для траурных сочинений текстов, то Флотвелл снова сыграл ключевую роль в просветительском языковом проекте Готшеда. В сотрудничестве с Готшедом Немецкое общество в Кёнигсберге опубликовало весьма популярную, выдержавшую три издания³² книгу с образцами хвалебных и траурных речей

²⁹ Терпеть и воздерживаться (лат.).

³⁰ Об этом девизе имперской Стои, восходящем к Эпикету, см. подробно: (Kant, 2004, S. 251–253).

³¹ Кроме того, Готшед поддерживал постоянную переписку с Гюттером. Он основал в Кёнигсберге «Свободное общество», конкурировавшее с обществом Флотвелла. См.: (Erb, 2023, S. 414).

³² Первое издание вышло в 1749 г., второе в 1755 г., третье в 1764 г. (ср.: Mitchell, 1987, S. 120, 161). Указание на третье издание отсутствует в биографии Готшеда за авторством Митчелла, экземпляр этого издания хранится в Баварской государственной библиотеке (Мюнхен).

Gedanken. Man ist fast geneigt, das von Kant oft heranzitierte stoische Lebensmotto *sustine et abstinence*²⁶ als tragendes Motiv zu erkennen (SF, AA 07, S. 100).²⁷

Die von Rosefeldt (2015) bemerkte Aufteilung in Betrachtung und Lebensbeschreibung ist ebenso mit Gottscheds *Redekunst* vorgezeichnet. Damit folgen Gottsched und Kant im Übrigen der römischen (Trost-)Briefliteratur, deren berühmtestes Beispiel wohl Senecas *Ad Marciam et alii* ist (vgl. den zweiten Teil).

Die Trostschriften sind „in vielen Orten üblich“, insbesondere in Königsberg. Gottsched, der stets geeignetes Beispielmateriale für seine Theorien herbeischafft, stellt ans Ende des Hauptstücks den „Lebenslauf“ von Christian Heinrich Gütthers (1696–1755) Ehefrau (Gottsched, 1975b, S. 296–307).²⁸ Der Umstand, dass dieser Text („Lebenslauf“) von Gütther bei Gottsched abgedruckt ist, ist eigens hervorzuheben. Denn Gütther war Professor für Beredsamkeit (Rhetorik) an der Albertina als Kant studierte, hielt über Gottscheds Lehrbücher Vorlesungen und korrespondierte eifrig mit ihm (Hüttner und Walter, 2023, S. 43).

Mit Blick auf die Verbreitung von geeigneten Mustertexten für Trauerschriften spielt wiederum Flottwell eine zentrale Rolle in Gottscheds aufklärerischen Sprachprojekt. Die *Deutsche Gesellschaft* in Königsberg gab im Verein mit Gottsched ein dreifach aufgelegtes,²⁹ sehr erfolgreiches Musterbuch für Lob- und Trauerreden heraus (s. Abb. 2). Übersetzt wurden die Reden

²⁶ „Ertrage und enthalte dich“ (Lat.).

²⁷ Zu diesem, auf Epiktet zurückgehenden Motto der imperialen Stoa, vgl. ausführlich Kant (2004, S. 251–253).

²⁸ Mit Gütther unterhielt Gottsched gleichfalls eine anhaltende Korrespondenz. Er gründete mit der *Freyen Gesellschaft* in Königsberg ein Konkurrenzunternehmen zu Flottwell. Vgl. Erb (2023, S. 414).

²⁹ ¹1749, ²1755, ³1764; vgl. Mitchell (1987, S. 120, 161). Die dritte Auflage fehlt in Mitchells Gottsched-Biographie, ein Exemplar findet sich in der Bayerischen Staatsbibliothek (München).

(рис. 2). Были переведены речи французского епископа Эсприта Флешье. К 1700 г. он приобрел репутацию одного из лучших и умнейших ораторов Европы (Stockinger, 2023, S. 142).

des französischen Bischofs Esprit Fléchier. Um 1700 stand er im Ruf, einer der besten und geistreichsten Kanzelredner Europas zu sein (Stockinger, 2023, S. 142).

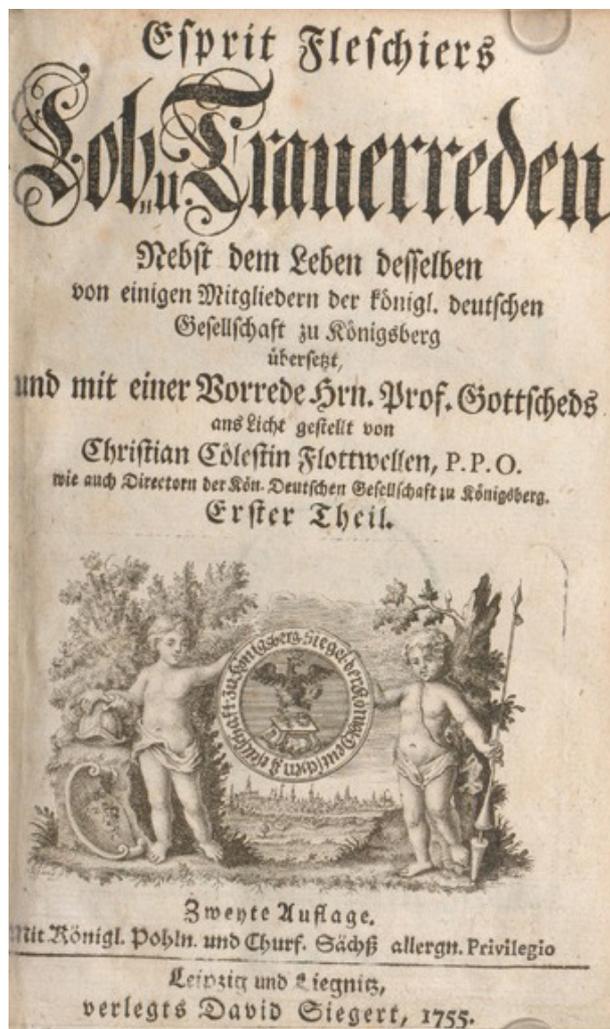

Рис. 2. Титульный лист
«Хвалебных и траурных речей» Флешье

Abb. 2: Titelblatt von Flechiers
Lob- und Trauerreden

9. Вывод

Оглядываясь назад, мы понимаем, что Готшед и его окружение оказали языковое и стилистическое влияние на манеру письма и язык Канта: имя Готшета, связываемое с немецкой теорией языка и риторикой, Кант слышал

9. Fazit

Rückblickend ist also klar, es gibt eine sprachlich-stilistische Einflussnahme von Gottsched und seinem Umkreis auf Kants Sprach- und Schreibweise: In Verbindung mit deutscher Sprachtheorie und Rhetorik vernahm Kant in den 1750er Jahren den Namen Gottsched in allen gebildeten Kreisen

во всех образованных кругах Кёнигсберга в 1750-х гг. Достаточно вспомнить переписку Готшеда с приятельницей Канта, графиней фон Кайзерлингк, которая даже хотела перевести учебник Готшеда «Первоосновы всей философии» на французский язык (Wolff, 1895, S. 49; Hüttner, Walter, 2023, S. 22–26). Это по меньшей мере свидетельствует о том, что Готшед должен был произвести неизгладимое впечатление на молодого Канта. Как уже упоминалось, Готшед в философском плане стоял в одном ряду с Кнутценом в противовес другим вольфианцам (Watkins, 1995). Учитывая структуру кантовских «Мыслей...» и биографическую близость двух кёнигсбержцев, можно с большой долей вероятности исходить из того, что основополагающие труды Готшеда несомненно повлияли на эту работу.

Находясь в Лейпциге, Готшед оказывал сильное влияние на интеллектуальную жизнь Кёнигсберга. Однако его влияние на Канта следует рассматривать дифференцированно: Готшед в сотрудничестве с издательством Брайткопфа инициировал и широко пропагандировал рецепцию многочисленных французских (Бейль, Фонтенель и др.), английских («Зритель» и др.) и латинских сочинений (Цицерон, Марк Аврелий и др.) посредством собственных переводов и путем издания чужих. Своей обширной перепиской с Кёнигсбергом он способствовал ослаблению там пиетизма (Fehr, 2000). Акцент Готшеда на популярном изложении новых для того времени естественных наук, вероятно, оказал сильное влияние на Канта. Новые взгляды ньютоновской физики дополнялись стоическими и эпикурейскими натурфилософами. В результате их теории о душе и образе жизни вновь начинают занимать сознание читательской аудитории того времени. Таким образом, Готшед помогал утвердить просвещение в Кёнигсберге. Лейпцигская образовательная программа Готшеда и английская физическая теология объединяются на берегах кёнигсбергского Прегеля.

Кант особенно преуспел, возрождая стоицизм в своеобразной форме. Именно этот момент открывает подлинную ценность текста

Кёнигсберга. Remembered sei nur an den Briefwechsel, den Gottsched mit Kants Freundin, der Gräfin von Keyserlingk, unterhielt, die sogar Gottscheds Philosophielehrbuch (*Erste Gründe der gesamten Weltweisheit*) ins Französische übertragen wollte (Wolff, 1895, S. 49; Hüttner und Walter, 2023, S. 22-26). Damit ist zumindest nachgewiesen, dass Gottsched einen bleibenden Eindruck auf den jungen Kant hinterlassen haben muss. Mit Knutzen war Gottsched, wie gesagt, philosophisch gegen die übrigen Wolffianer zu einer Partei verbunden (Watkins, 1995). Aufgrund der Anlage von Kants *Gedanken* und aufgrund der biografischen Nähe zwischen den beiden Königsbergern darf daher mit großer Wahrscheinlichkeit von einer wie auch immer gearteten Ausstrahlung von Gottscheds richtungweisenden Büchern ausgegangen werden.

Gottsched nahm von Leipzig ausgehend starken Einfluss auf das geistige Leben in Königsberg. Den Einfluss Gottscheds auf Kant muss man dabei aber differenziert betrachten: Gottsched hat in Zusammenarbeit mit dem Verlags- haus Breitkopf die Rezeption zahlreicher französischer (Bayle, Fontenelle, etc.), englischer (Der Zuschauer, etc.) und lateinischer Schriften (Cicero, Marc Aurel, etc.) durch eigene Übersetzungen oder durch Herausgabe von Übersetzungen angeregt und breitenwirksam gefördert. Durch seine umfangreiche Korrespondenz nach Königsberg, half er, den dortigen Pietismus abzuschwächen (Fehr, 2000). Gottscheds Schwerpunktsetzung auf die populäre Präsentation der damals neuen Naturwissenschaften hat auf Kant wahrscheinlich stark gewirkt. Die neuen Perspektiven der Newton'schen Physik werden durch die stoischen und epikureischen Naturphilosophen ergänzt. Damit treten auch wieder ihre Theorien über Seele und Lebensführung mehr ins Bewusstsein der damaligen Leserschaft. Auf diese Weise hilft Gottsched, die Aufklärung in Königsberg zu etablieren. Gottscheds Leipziger Bildungsprogramm und die englische

«Мыслей...», ибо он свидетельствует о глубокой привязанности и любви Канта к философским мыслителям римской Стои: Горацию, Сенеке, Цицерону, Лукрецию, Марку Аврелию и всем другим, от которых он почерпнул полезные советы о ведении философского образа жизни³³. Разница между Кантом и Готшедом становится очевидной: Готшед — проводник знаний, у которого иногда возникают собственные мысли. Он учит не более чем тому содержанию, которое извлекает из трудов Квинтилиана или Горгия, Цицерона или Аристотеля. Его заслуга в том, что он позволяет этим авторам говорить на языке своего времени.

Кант мыслит через античных авторов независимо и творчески. В этом отношении он отличается от Готшеда. Он значительно превосходит его по глубине мысли. Хотя Кант, как представляется, придерживается программы, инициированной Готшедом, его утешительное письмо демонстрирует более глубокую вовлеченность в темы смерти и жизни. Его характеристика умершего уже намекает на позднюю тенденцию его практической философии. Только свободное действие на основе морального закона, рационально признанного необходимым, придает глубокий и постоянный смысл чисто случайному ходу и столь же чисто случайной продолжительности человеческой жизни.

Список литературы

Боровски Л.Э. Описание жизни и характера Иммануила Канта // Ранние биографии Канта: Л. Э. Боровски, Р.Б. Яхман, Э.А. Кр. Васиански, Ф.Т. Ринк и «Кантиана» Р. Райке / пер. с нем. А.Н. Саликова под ред. А.Г. Жаворонкова. Калининград ; М. ; СПб. : Изд-во БФУ им. И. Канта ; Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 49–190.

Кант — Марии фон Герберт [весна 1792 г.] // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 582–585.

³³ Вторую часть этого исследования планируется опубликовать в 4-м выпуске «Кантовского сборника» за 2024 г.

Physikotheologie treffen am Königsberger Prengel zusammen.

Kant gelingt es dabei im besonderen Maße, den Stoizismus unter einer eigentümlichen Gestalt zu beleben. Dieses Moment ist es, was den eigentlichen Wert seiner *Gedanken*-Schrift ausmacht, denn er offenbart Kants große Nähe und Liebe zu den philosophischen Denkern der römischen Stoa, zu Horaz, Seneca, Cicero, Lukrez, Marc Aurel und all den anderen, aus denen er brauchbare Anhaltspunkte zur philosophischen Lebensführung herauslesen konnte.³⁰ Ein Unterschied zwischen Kant und Gottsched wird dabei deutlich: Gottsched ist ein Wissensvermittler, bei dem gelegentlich eigene Gedanken auftauchen. Gottsched lehrt kaum mehr, als die Inhalte, die er aus den Schriften Quintilians oder Gorgias', Ciceros oder Aristoteles' herausarbeitet. Sein Verdienst ist, dass er diese Autoren in der Sprache seiner Zeit sprechen lässt.

Kant durchdenkt die antiken Autoren eigenständig und kreativ. In dieser Hinsicht unterscheidet er sich von Gottsched. Er überragt ihn weit an gedanklicher Tiefe. Obwohl Kant dem von Gottsched begonnen Programm also verpflichtet scheint, zeigt seine Trostschrift eine tiefere Auseinandersetzung mit den Themen Tod und Leben. In seiner Charakteristik des Verstorbenen deutet sich bereits die spätere Tendenz seiner praktischen Philosophie an. Nur die freiheitliche Handlung auf der Grundlage des vernunftmäßig als Notwendig erkannten Sittengesetzes, verleiht dem rein zufälligen Verlauf und der ebenso rein zufälligen Dauer des menschlichen Lebens einen tiefen und bleibenden Sinn.

Literatur

Ackeren, M. van, 2011. *Die Philosophie Marc Aurels. Band 1: Textform – Stilmerkmale – Selbstdialog*. Berlin & Boston: De Gruyter.

³⁰ Siehe den zweiten Teil dieser Studie im 4. Heft von *Kantian Journal* 2024.

Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // Собр соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 2. С. 5–14.

Кант И. Мысли, вызванные безвременной кончиной высокородного господина Иоганна Фридриха фон Функа // Собр соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 2. С. 15–22.

Кант И. Критика чистого разума. 1-е издание (А) // Соч. на рус. и нем. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 2.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? / пер. А. Н. Саликова под ред. Н. А. Дмитриевой // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 2: Соч. по философии политики. С. 48–55.

Кант И. Спор факультетов / пер. А. С. Зильбера под ред. П. В. Резвых // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 250–361.

Круглов А. Н. Кант в споре с крузианцами об оптимизме // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 7–31.

Кюн М. Кант: биография / пер. с англ. А. Васильевой под науч. ред. К. Чепурина. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2021.

Ackeren M. van. Die Philosophie Marc Aurels. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. Bd. 1 : Textform – Stilmerkmale – Selbstdialog.

Adelung J. C. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. Leipzig : Breitkopf, 1801. Bd. 4.

Adickes E. Kant als Naturforscher. Leipzig ; Berlin : De Gruyter, 1924. Bd. 1.

Anonym [Mellin G. S. A.]. Immanuel Kant's Biographie. Leipzig : E. G. Weigel, 1804. Bd. 2.

Arnoldt D. H. Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsberger Universität. Königsberg : J. H. Hartung, 1746. Bd. 2.

Baum M. Kritik // Kleine Schriften 1. Arbeiten zu Kants theoretischer Philosophie / hrsg. von M. Heinz. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2019. S. 83–103.

Berndt F., Spalinger R. Rhetorik: Ausführliche Redekunst // Gottsched Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / hrsg. von S. Meixner, C. Rocks. Stuttgart : J. B. Metzler, 2023. S. 139–176.

Döring D. Die Geschichte der Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Tübingen : Max Niemeyer, 2002.

Erb A. Deutsche Gesellschaften des 18. Jahrhunderts. Ein Gruppenbild. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023.

Erbkam W. H. Borowski, Ludwig Ernst // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig : Duncker & Humblot, 1876. Bd. 3. S. 177–178.

Erlер G. Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. Leipzig : Duncker & Humblot, 1911/1912. Bd. 2.

Adelung, J. C., 1801. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart*. Band 4. Leipzig: Breitkopf.

Adickes, E., 1924. *Kant als Naturforscher*. Band 1. Leipzig & Berlin: De Gruyter.

Anonym [Mellin, G. S. A.], 1804. *Immanuel Kant's Biographie*. Bd. 2. Leipzig: E. G. Weigel.

Arnoldt, D. H., 1746. *Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsberger Universität*. Band 2. Königsberg: J. H. Hartung.

Baum, M., 1990. Kritik. In: M. Heinz, Hg. 2019. *Kleine Schriften 1. Arbeiten zu Kants theoretischer Philosophie*. Berlin & Boston: De Gruyter. S. 83-103.

Benninghoven, F., Hg. 1974. *Immanuel Kant. Leben, Umwelt, Werk*. Berlin: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz.

Berndt, F. und Spalinger, R., 2023. Rhetorik: Ausführliche Redekunst. In: S. Meixner und C. Rocks, Hg. 2023. *Gottsched Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. Stuttgart: J. B. Metzler, S. 139-176.

Borowski, L. E., 1804. *Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant's*. Königsberg: Nicolovius.

Döring, D., 2002. *Die Geschichte der Deutschen Gesellschaft in Leipzig*. Tübingen: Max Niemeyer.

Erb, A., 2023. *Deutsche Gesellschaften des 18. Jahrhunderts. Ein Gruppenbild*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Erbkam, W. H., 1876. Borowski, Ludwig Ernst. In: *Allgemeine Deutsche Biographie*. Band 3. Leipzig: Duncker & Humblot, S. 177-178.

Erlер, G., 1911/1912. *Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr.* Band 2. Leipzig: Duncker & Humblot.

Euler, W., 1994. Immanuel Kants Amtstätigkeit. Aufgaben und Probleme einer Gesamtdokumentation. In: R. Brandt und W. Stark, Hg. 1994. *Autographen, Dokumente und Berichte. Zu Edition, Amtsgeschäften und Werk Immanuel Kants*. Hamburg: Felix Meiner, S. 58-90.

Euler, W., 2000. Kants Briefwechsel und „Amtlicher Schriftverkehr“. Mit einem Anhang über Kants Vorlesung über römischen Stil. *Kant-Studien*, 91 (Sonderheft), S. 106-142.

Fehr, J. J., 2000. *Ein wunderlicher Nexus rerum. Aufklärung und Pietismus in Königsberg*. Hildesheim: Georg Olms.

Fischer, K., 1889. *Immanuel Kant und seine Lehre. Erster Theil. Entstehung und Grundlegung der kritischen Philosophie*. 3. Auflage. Heidelberg: Carl Winter.

Euler W. Immanuel Kants Amtstätigkeit. Aufgaben und Probleme einer Gesamtdokumentation // Autographen, Dokumente und Berichte. Zu Edition, Amtsgeschäften und Werk Immanuel Kants / hrsg. von R. Brandt, W. Stark. Hamburg : Felix Meiner, 1994. S. 58–90.

Euler W. Kants Briefwechsel und "Amtlicher Schriftverkehr". Mit einem Anhang über Kants Vorlesung über römischen Stil // Kant-Studien. 2000. Bd. 91 (Sonderheft). S. 106–142.

Fehr J. J. Ein Wunderlicher Nexus Rerum. Aufklärung und Pietismus in Königsberg. Hildesheim : Georg Olms, 2000.

Fischer K. Immanuel Kant und seine Lehre. 3. Aufl. Heidelberg : Carl Winter, 1889. Thl. 1 : Entstehung und Grundlegung der kritischen Philosophie.

Freudenberg M. Melanchthon und die Bekenntnisbildung. 2. Reformiertentum // Philipp Melanchthon. Der Reformator zwischen Glauben und Wissen. Ein Handbuch / hrsg. von G. Frank und A. Lange. Berlin & Boston: De Gruyter, 2017. S. 179–191.

Goldbeck J.F. Nachrichten von der Königlichen Universität zu Königsberg in Preußen und den daselbst befindlichen Lehr-, Schul- und Erziehungsanstalten. Königsberg ; Leipzig ; Dessau : im Selbstverlag des Verfassers, 1782.

Gottsched J.G. Versuch einer critischen Dichtkunst: Erste allgemeiner Theil / hrsg. von J. Birke, B. Birke // Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke / hrsg. von P.M. Mitchell. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1973. Bd. 6, Tl. 1.

Gottsched J.G. Ausführliche Redekunst / hrsg. von R. Scholl // Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke / hrsg. von P.M. Mitchell. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1975a. Bd. 7, Tl. 1.

Gottsched J.G. Ausführliche Redekunst / hrsg. von R. Scholl // Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke / hrsg. von P.M. Mitchell. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1975b. Bd. 7, Tl. 2.

Gottsched J.G. Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von D. Döring, F. Menzel, R. Otto, M. Schlott. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. Bd. 9 : 1742–1744.

Gottsched J.G. Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von C. Köhler, F. Menzel, R. Otto, M. Schlott. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2020. Bd. 14 : November 1748 – September 1749.

Gottsched J.G. Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748) / hrsg. von J. Hüttner, M. Walter. Wiesbaden : Georg Olms, 2023.

Hamann J.G. Werke. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von J. Nadler. Wien : Herder & Thomas-Morus-Presse, 1952. Bd. 2.

Freudenberg, M., 2017. Melanchthon und die Bekenntnisbildung. 2. Reformiertentum. In: G. Frank und A. Lange, Hg., 2017. *Philipp Melanchthon. Der Reformator zwischen Glauben und Wissen. Ein Handbuch*. Berlin & Boston: De Gruyter, S. 179-191.

Goldbeck, J.F., 1782. *Nachrichten von der Königlichen Universität zu Königsberg in Preußen und den daselbst befindlichen Lehr-, Schul- und Erziehungsanstalten*. Königsberg & Leipzig & Dessau: im Selbstverlag des Verfassers.

Gottsched, J.G., 1973. *Versuch einer critischen Dichtkunst: Erster allgemeiner Theil*. Hg. von J. Birke und B. Birke. In: *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke*. Hg. von P.M. Mitchell. Band VI, Teil 1. Berlin & New York: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 1975a. *Ausführliche Redekunst*. Hg. von R. Scholl. In: *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke*. Hg. von P.M. Mitchell. Band VII, Teil 1. Berlin & New York: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 1975b. *Ausführliche Redekunst*. Hg. von R. Scholl. In: *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke*. Hg. von P.M. Mitchell. Band VII, Teil 2. Berlin & New York: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 2015. *Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe. Band 9: 1742–1744*. Hg. von D. Döring, F. Menzel, R. Otto und M. Schlott. Berlin & Boston: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 2020. *Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe. Band 14: November 1748 – September 1749*. Hg. von C. Köhler, F. Menzel, R. Otto und M. Schlott. Berlin & Boston: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 2023. *Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748)*. Hg. von J. Hüttner und M. Walter. Wiesbaden: Georg Olms.

Hamann, J.G., 1952. Trauerschrift auf den Tod der Frau Rentzen [1752]. In: J.G. Hamann, 1952. *Werke. Historisch-kritische Ausgabe. Band IV*. Herausgegeben von J. Nadler. Wien: Thomas-Morus-Presse im Herder-Verlag, S. 35-39.

Hamann, J.G., 1955. *Briefwechsel*. Herausgegeben von W. Ziesemer und A. Henkel. Band 1. Wiesbaden: Insel-Verlag.

Hamann, J.G., 1956. *Briefwechsel*. Herausgegeben von W. Ziesemer und A. Henkel. Band 2. Wiesbaden: Insel-Verlag.

Hamann, J.G., 1965. *Briefwechsel*. Herausgegeben von W. Ziesemer und A. Henkel. Band 5. Wiesbaden: Insel-Verlag.

Harnack, A. von, 1901. *Geschichte der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. Berlin: Georg Stilke.

Hamann J.G. Briefwechsel / hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden : Insel-Verlag, 1955. Bd. 1.

Hamann J.G. Briefwechsel / hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden : Insel-Verlag, 1956. Bd. 2.

Hamann J.G. Briefwechsel / hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden: Insel-Verlag, 1965. Bd. 5.

Harnack A. von. Geschichte der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin : Verlag von Georg Stilke, 1901.

Heller R. Kants Persönlichkeit und Leben. Versuch einer Charakteristik. Berlin : Pan-Verlag, 1924.

Hirschberger J. Geschichte der Philosophie. Neuzeit und Gegenwart. Freiburg i.Br. : Herder, 1958.

Hüttner J., Walter M. Einleitung // Gottsched J.G. Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748). Wiesbaden : Georg Olms Verlag, 2023. S. 9–147.

Immanuel Kant. Leben, Umwelt, Werk / hrsg. von F. Benninghoven. Berlin : Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, 1974.

Irlitz G. Handbuch Immanuel Kant. Leben – Werk – Wirkung. 3. Aufl. Stuttgart : J.B. Metzler, 2015.

Jaspers K. Die großen Philosophen. München : Verlag R. Pieper & Co, 1956. Bd. 1.

Jung M.H. Philipp Melanchthon und seine Zeit. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.

Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie / hrsg. von W. Stark. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2004.

Klaus G. Die Frühschriften Immanuel Kants // Klaus G. Philosophisch-historische Abhandlungen. Kopernikus – D'Alembert – Condillac – Kant. Berlin : Akademie-Verlag, 1977. S. 139–220.

Kondylis P. Die Aufklärung im Rahmen des neuzeitlichen Rationalismus. Hamburg : Felix Meiner, 2002.

Krause G. Gottsched und Flottwell. Die Begründer der Deutschen Gesellschaft in Königsberg. Leipzig : Duncker & Humblot, 1893.

Kühn M. Immanuel Kant. Eine Biographie / aus dem Englischen von M. Pfeiffer. München : C.H. Beck, 2003.

Lenz R. Leichenpredigten. Eine bisher vernachlässigte Quellengattung. Geschichte, Forschungsstand, methodologische Probleme, Bibliographie // Archiv für Kulturgeschichte. 1974. Bd. 56. S. 296–312.

Malter R. Immanuel Kant in Rede und Gespräch. Hamburg : Felix Meiner, 1990.

Marti H. Immanuel Kant und die Disputation als traditionelle Unterrichtsform // Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg / hrsg. von J. Mähnert und J. Sarnowsky. Göttingen : V & R unipress, 2023. S. 65–98.

Heller, R., 1924. *Kants Persönlichkeit und Leben. Versuch einer Charakteristik*. Berlin: Pan-Verlag.

Hirschberger, J., 1958. *Geschichte der Philosophie. Neuzeit und Gegenwart*. Freiburg i.Br.: Herder.

Hüttner, J. und Walter, M., 2023. Einleitung. In: Gottsched, J.G., 2023. *Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748)*. Wiesbaden: Georg Olms, S. 9-147.

Irlitz, G., 2015. *Handbuch Immanuel Kant. Leben – Werk – Wirkung*. 3. Aufl. Stuttgart: J.B. Metzler.

Jaspers, K., 1956. *Die großen Philosophen. Band 1*. München: R. Pieper & Co.

Jung, M.H., 2010. *Philipp Melanchthon und seine Zeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Kant, I., 2004. *Vorlesung zur Moralphilosophie*. Herausgegeben von W. Stark. Berlin & New York: De Gruyter.

Klaus, G., 1977. Die Frühschriften Immanuel Kants. In: G. Klaus, 1977. *Philosophisch-historische Abhandlungen. Kopernikus – D'Alembert – Condillac – Kant*. Berlin: Akademie-Verlag, S. 139-220.

Kondylis, P., 2002. *Die Aufklärung im Rahmen des neuzeitlichen Rationalismus*. Hamburg: Felix Meiner.

Krause, G., 1893. *Gottsched und Flottwell. Die Begründer der Deutschen Gesellschaft in Königsberg*. Leipzig: Duncker & Humblot.

Krouglov, A. N., 2018. Kant and the Crusians in the Debate of Optimism. *Kantian Journal*, 37(2), S. 7-31.

Kuehn, M., 2002. *Immanuel Kant. A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kühn, M., 2003. *Immanuel Kant. Eine Biographie*. Aus dem Englischen von M. Pfeiffer. München: C. H. Beck.

Lenz, R., 1974. Leichenpredigten. Eine bisher vernachlässigte Quellengattung. Geschichte, Forschungsstand, methodologische Probleme, Bibliographie. *Archiv für Kulturgeschichte*, 56, S. 296-312.

Malter, R., 1990. *Immanuel Kant in Rede und Gespräch*. Hamburg: Felix Meiner.

Marti, H., 2023. Immanuel Kant und die Disputation als traditionelle Unterrichtsform. In: J. Mähnert und J. Sarnowsky, Hg. 2023. *Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg*. Göttingen: V & R unipress, S. 65-98.

Melanchthon, P., 1547. *Loci consolationis*. In: C.G. Breitschneider, Hg. 1839. *Philipi Melanchthonis Opera quae supersunt omnia. Corpus Reformatorum*. Volumen VI. Halle: Schwetschke & Sohn, col. 483-488.

Menzer, P., 1911. Vorwort. In: P. Menzer, Hg. 1911. *Kants Populäre Schriften*. Berlin: Georg Reimer, S. III-VI.

Menzer, P., 1924. Kants Persönlichkeit. *Kant-Studien*, 29, S. 1-20.

Melanchthon P. Loci consolationis [1547] // *Philipi Melanchthonis Opera quae supersunt omnia. Corpus Reformatorum* / hrsg. von C. G. Breitschneider. Halle : Schwetschke & Sohn, 1839. Vol. 6.

Menzer P. Vorwort // *Kants Populäre Schriften* / hrsg. von P. Menzer. Berlin : Georg Reimer, 1911. S. III–VI.

Menzer P. Kants Persönlichkeit // *Kant-Studien*. 1924. Bd. 29. S. 1–20.

Mitchell P.M. Gottsched-Bibliographie // *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke* / hrsg. von P. M. Mitchell. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1987. Bd. 12.

Nadler J. Johann Georg Hamann. 1730–1788. Der Zeuge des Corpus Mysticum. Salzburg : Otto Müller, 1949.

Otto R. Band 10 der Gottschedkorrespondenz – Inhalt und Beobachtungen // *Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*. 2018. H. 19. S. 16–28.

Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. 3., erweiterte Aufl. Berlin ; Leipzig : De Gruyter, 1921.

Pufelska A., Barelkowski M. Kant in Olsztyn. 2024. URL: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de> (дата обращения: 29.08.2024).

Reicke J. Zu Johann Christoph Gottsched's Lehrjahren auf der Königsberger Universität : Dissertation. Königsberg : R. Leupold, 1892. Thl. 1.

Rieck R. Johann Christoph Gottsched. Eine kritische Würdigung seines Werkes. Berlin : Akademie-Verlag, 1972.

Rink F.Th. [Vorrede des Herausgebers. ohne Titel; Anm. M.W.] // *Immanuel Kant's vermischte Schriften*. Königsberg : Friedrich Nicolovius, 1807. Bd. 4 : Sammlung einiger unbekannt gebliebenen kleinen Schriften von Immanuel Kant / hrsg. von F.Th. Rink und F. Nicolovius. Zweyte sehr vermehrte Auflage.

Ritzel W. Immanuel Kant. Eine Biographie. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1985.

Rosefeldt T. Gedanken bei dem frühzeitigen Ableben des Herrn Johann Friedrich von Funk // *Kant-Lexikon* / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr und S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015.

Rosenkranz K. De varia philosophiae ante Kantium in Academia Albertina vicisstudiene (1846) // *Neue Studien* / hrsg. von K. Rosenkranz. Leipzig : Erich Koschny, 1878. Bd. 4 : Zur Literaturgeschichte. S. 241–250.

Schilling J. Erbauungsschriften // *Luther Handbuch* / hrsg. von A. Beutel. 3., überarbeitete u. erweiterte Aufl. Tübingen : Mohr & Siebeck, 2017. S. 336–347.

Mitchell, P.M., 1987. Gottsched-Bibliographie. In: P. M. Mitchell, Hg. 1987. *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke. Band XII*. Berlin & New York: De Gruyter.

Nadler, J., 1949. *Johann Georg Hamann. 1730–1788. Der Zeuge des Corpus Mysticum*. Salzburg: Otto Müller.

Otto, R., 2018. Band 10 der Gottschedkorrespondenz – Inhalt und Beobachtungen. *Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*, 19, S. 16–28.

Paulsen, F., 1921. *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart*. 3., erweiterte Aufl. Berlin & Leipzig: De Gruyter.

Pufelska, A., Barelkowski, M. 2024. *Kant in Olsztyn*. Verfügbar unter: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de> (Zuletzt aufgerufen am 29.08.2024).

Reicke, J., 1892. *Zu Johann Christoph Gottsched's Lehrjahren auf der Königsberger Universität. Erster Theil* (Dissertation). Königsberg: R. Leupold.

Rieck, R., 1972. *Johann Christoph Gottsched. Eine kritische Würdigung seines Werkes*. Berlin: Akademie-Verlag.

Rink, F.Th., 1807. [Vorrede des Herausgebers]. In: F. Th. Rink und F. Nicolovius, Hg. 1807. *Immanuel Kant's vermischte Schriften. Vierter Band. Sammlung einiger bisher unbekannt gebliebenen kleinen Schriften von Immanuel Kant*. Zweyte sehr vermehrte Auflage. Königsberg: Friedrich Nicolovius.

Ritzel, W., 1985. *Immanuel Kant. Eine Biographie*. Berlin & New York: De Gruyter.

Rosefeldt, T., 2015. Gedanken bei dem frühzeitigen Ableben des Herrn Johann Friedrich von Funk. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr und S. Bacin, Hg. 2015: *Kant-Lexikon*. Berlin & Boston: De Gruyter, S. 685–686.

Rosenkranz, K., 1846. De varia philosophiae ante Kantium in Academia Albertina vicisstudiene. In: K. Rosenkranz, Hg. 1878. *Neue Studien. Vierter Band. Zur Literaturgeschichte*. Leipzig: Erich Koschny, S. 241–250.

Schilling, J., 2017. Erbauungsschriften. In: A. Beutel, (Hg.) 2017. *Luther Handbuch*. 3., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Mohr & Siebeck, S. 336–347.

Schönfeld, M., 2000. *The Philosophy of the Young Kant. The Precritical Project*. Oxford: Oxford University Press.

Schubert, F.W., 1838. Vorrede. In: K. Rosenkranz und F.W. Schubert, Hg. 1838. *Immanuel Kant's Sämtliche Werke. Siebter Theil, Abteilung 1. Kleine anthropologisch-praktische Schriften*. Leipzig: Leopold Voss, S. V–XVIII.

Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant. The Precritical Project. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Schubert F. W. Vorrede // Immanuel Kant's Sämtliche Werke / hrsg. von K. Rosenkranz und F. W. Schubert. Leipzig : Leopold Voss, 1838. Thl. 7, Abteil. 1 : Kleine anthropologisch-praktische Schriften. S. V–XVIII.

Seneca. Gespräche. Die kleinen Dialoge. Lateinisch-deutsch / hrsg. von G. Fink. Düsseldorf ; Zürich : Artemis & Winkler, 2008.

Simon J. Kant, die fremde Vernunft und die Sprache der Philosophie. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 2003.

Stark W. Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants. Berlin : Akademie-Verlag, 1993.

Stark W. Kant als akademischer Lehrer // Zentren der Aufklärung, Königsberg und Riga / hrsg. von H. Ischreyt. Tübingen : Max Niemeyer, 1995. S. 51–68.

Stark W. Immanuel Kant – ein Dichter? // Kant-Studien. 2000. Bd. 91 (Sonderheft). S. 143–147.

Stark W. Zur Erinnerung an den 200. Todestag von Immanuel Kant. Zwei Dokumentenfunde // literaturkritik.de [Druckfassung]. 2004. Jg. 6, № 2. S. 14–17.

Stark W. Zu Kants Mitwirkung an der Drucklegung seiner Schriften // Kants Rechtslehre / hrsg. von B. Ludwig. Hamburg : Felix Meiner, 2005. S. 7–38.

Stark W. Ein historischer Blick auf die ersten Jahre des Privatdozenten Immanuel Kant // Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg / hrsg. von J. Mähnert, J. Sarnowsky. Göttingen: V & R unipress, 2023. S. 47–64.

Stark W. Kant als Student, Magister und Privatdozent // Kant in Olsztyn / hrsg. von A. Pufelska und M. Barelkowski. 2024. URL: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (дата обращения: 23.03.2024).

Stockinger L. Rhetorik und Metarhetorik in Aufklärung und Romantik. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023.

Stupperich R. Melanchthon. Berlin : De Gruyter, 1960.

Vaihinger H. Kant als Melancholiker // Kant-Studien. 1898. Bd. 2. S. 139–141.

Vorländer K. Immanuel Kant. Der Mann und das Werk / hrsg. von R. Malter, H. Klemme. Hamburg : Felix Meiner, 1992.

Wald S. G. Geschichte der Verfassung der König[lichen] Deutschen Gesellschaft zu Königsberg in Preußen. Königsberg : G. L. Hartung, 1793.

Wald S. G. Gedächtnißrede auf Kant // Immanuel Kant zu ehren / hrsg. von J. Kopper, R. Malter. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1974. S. 50–74.

Seneca, 2008. *Gespräche. Die kleinen Dialoge. Lateinisch-deutsch*. Herausgegeben von G. Fink. Düsseldorf & Zürich: Artemis & Winkler.

Simon, J., 2003. *Kant, die fremde Vernunft und die Sprache der Philosophie*. Berlin & New York: De Gruyter.

Stark, W., 1993. *Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants*. Berlin: Akademie-Verlag.

Stark, W., 1995. Kant als akademischer Lehrer. In: H. Ischreyt, Hg. 1995. *Zentren der Aufklärung. Königsberg und Riga*. Tübingen: Max Niemeyer, S. 51-68.

Stark, W., 2000. Immanuel Kant – ein Dichter? *Kant-Studien*, 91 (Sonderheft), S. 143-147.

Stark, W., 2004. Zur Erinnerung an den 200. Todestag von Immanuel Kant. *Zwei Dokumentenfunde. literaturkritik.de* [Druckfassung], 6(2), S. 14-17.

Stark, W., 2005. Zu Kants Mitwirkung an der Drucklegung seiner Schriften. In: B. Ludwig, Hg. 2005. *Kants Rechtslehre*. Hamburg: Felix Meiner, S. 7-38.

Stark, W., 2023. Ein historischer Blick auf die ersten Jahre des Privatdozenten Immanuel Kant. In: J. Mähnert und J. Sarnowsky, Hg. 2023. *Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg*. Göttingen: V & R unipress, S. 47-64.

Stark, W., 2024. Kant als Student, Magister und Privatdozent. In: A. Pufelska und M. Barelkowski, Hg. 2024. *Kant in Olsztyn*. Verfügbar unter: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (Zuletzt aufgerufen am 23.03.2024).

Stockinger, L., 2023. *Rhetorik und Metarhetorik in Aufklärung und Romantik*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Stupperich, R., 1960. *Melanchthon*. Berlin: De Gruyter.

Vaihinger, H., 1898. Kant als Melancholiker. *Kant-Studien*, 2, S. 139-141.

Vorländer, K., 1992. *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk. I. u. II. Teil*. Herausgegeben von R. Malter und H. Klemme. Hamburg: Felix Meiner.

Wald, S. G., 1793. *Geschichte der Verfassung der König[lichen] Deutschen Gesellschaft zu Königsberg in Preußen*. Königsberg: G. L. Hartung.

Wald, S. G., 1974. Gedächtnißrede auf Kant. In: J. Kopper und R. Malter, Hg. 1974. *Immanuel Kant zu ehren*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, S. 50-74.

Walter, M., 2023. „Ein unbegreiflich zahlreiches Sternenheer“ – Eine Kupfertafel, ergänzend zu Kants Maupertuis-Rezeption in der NTH (1755). *Kant-Studien*, 114, S. 565-578.

Walter M. "Ein unbegreiflich zahlreiches Sterneneer" – Eine Kupfertafel, ergänzend zu Kants Maupertuis-Rezeption in der NTH (1755) // *Kant-Studien*. 2023. Bd. 114. S. 565–578.

Warda A. Ergänzungen zu E. Fromms zweitem und drittem Beitrage zur Lebensgeschichte Kants (II) // *Altpreußische Monatsschrift*. 1901. Bd. 38. S. 398–432.

Warda A. Aus dem Leben des Pfarrers Christian Heinrich Puttlich. Thl. 1 : 1763–1799 // *Altpreußische Monatsschrift*. 1905. Bd. 47. S. 253–304.

Waschkies H.-J. Physik und Physikotheologie beim jungen Kant. Amsterdam : B. R. Grüner, 1987.

Watkins E. The Development of Physical Influx in Early Eighteenth-Century Germany: Gottsched, Knutzen, and Crusius // *The Review of Metaphysics*. 1995. Bd. 49, № 2. P. 295–339.

Wolff E. Gottscheds Stellung im deutschen Bildungsleben. Kiel ; Leipzig : Lipsius und Tischer, 1895. Bd. 1.

Об авторе

Мартин Вальтер, доктор философии, Институт теологии, Университет им. Викентия Паллотти, Фаллендар, Германия.

E-mail: martin.m.walter@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2787-2960>

О переводчике

Ирина Геннадьевна Черненко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ichernenok@kantiana.ru

Для цитирования:

Вальтер М. Письмо Канта на смерть студента Иоганна Фридриха фон Функа (1760): литературно-историческая идентификация. Часть 1: Готшед и Королевское немецкое общество Кёнигсберга // *Кантовский сборник*. 2024. Т. 43, № 2. С. 7–49.

doi: [10.5922/0207-6918-2024-2-1](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-1)

© Вальтер М., 2024.

Warda, A., 1901. Ergänzungen zu E. Fromms zweitem und drittem Beitrage zur Lebensgeschichte Kants (II). *Altpreußische Monatsschrift*, 38, S. 398-432.

Warda, A., 1905. Aus dem Leben des Pfarrers Christian Heinrich Puttlich. Theil I: 1763–1799. *Altpreußische Monatsschrift*, 47, S. 253-304.

Warda, A., 1919. *Die Druckschriften Immanuel Kants*. Wiesbaden: Heinrich Staadt.

Waschkies, H.-J., 1987. *Physik und Physikotheologie beim jungen Kant*. Amsterdam: B. R. Grüner.

Watkins, E., 1995. The Development of Physical Influx in Early Eighteenth-Century Germany: Gottsched, Knutzen, and Crusius. *The Review of Metaphysics*, 49(2), S. 295-339.

Wolff, E., 1895. *Gottscheds Stellung im deutschen Bildungsleben. Band 1*. Kiel & Leipzig: Lipsius und Tischer.

The author

Dr Martin Walter, Vinzenz Pallotti University, Germany.

E-mail: martin.m.walter@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2787-2960>

To cite this article:

Walter, M., 2024. Kants Sendschreibens zum Tod des Studenten Johann Friedrich von Funk (1760). Zur literaturhistorischen Einordnung – Teil 1: Gottsched und die Königliche Deutsche Gesellschaft zu Königsberg. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 7-49.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-1>

© Walter M., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))